

ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВА

ПОВЕЛИТЕЛЬ
ТЛЕНА



Валерия Михайловна Чернованова

Повелитель тлена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67850844

Повелитель тлена: Avtorskie-txt; 2022

Аннотация

На долю Ивы выпало немало испытаний. Угодив в ловушку траппера, девушка оказывается в мире, где такие, как она, – всего лишь разменная монета. Где мёртвые ценятся превыше живых, а настоящие чувства – роскошь, доступная единицам.

Обвинённая в чужом преступлении и чудом избежав наказания, Ива становится собственностью чудаковатого мага, в обмен на услугу пообещавшего ей свободу.

Вот только тот ли он, за кого себя выдаёт? Так уж ли благи его помыслы? Не скрывается ли за маской загадочного изобретателя безжалостный убийца?

И не станет ли Ива его следующей жертвой.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	32
Глава пятая	44
Глава шестая	53
Глава седьмая	65
Глава восьмая	82
Глава девятая	94
Глава десятая	107
Часть вторая	117
Глава первая	117
Глава вторая	128
Глава третья	143
Глава четвертая	153
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Валерия Чернованова

Повелитель тлена

Возьми меня за руку и проведи через эту ночь.

Чтобы я не чувствовал, что я один.

Рэй Брэдбери

Часть первая

Жертва

Глава первая

– Проходите, ваше сиятельство. Да, пожалуйста, вот сюда. Осторожно, ступенька! – суетился вокруг высшего траппера. И без того сутулый, он не переставал отвешивать почетному гостю поклоны, отчего казался еще ниже ростом. А по сравнению с долговязым магом, так и вовсе карликом.

Нечасто доводилось Перегрину принимать у себя человека, приближенного к самой королеве. Осознание этого заставляло старика нервничать, и он чувствовал себя неуверенно.

– Объясните мне, господин Перегрин, что я здесь делаю? Зачем вы посылали за мной? – холодно поинтересовался

высший, стягивая с рук светло-серые лайковые перчатки. Его раздражала заискивающая улыбка старика, хитрые, вечно прищуренные глаза, которые, казалось, стремились заглянуть в самую душу. Довершал картину отталкивающей наружности шрам на пол-лица и уродливый, потемневший от времени протез, заменявший трапперу ухо.

Впрочем, Бастиан Мар испытывал неприязнь ко всем представителям данной профессии, и, наверное, поэтому его тяготило общество этого человека.

Миновав просторный холл, обставленный с излишней помпезностью, хозяин и его гость оказались у входа в гостиную.

Прежде чем распахнуть перед магом двери, траппер в который раз поклонился и ответил с заговорщическим видом:

– Ваши друзья сейчас сами вам все расскажут, милорд. И покажут.

Появление высшего словно вдохнуло жизнь в просторную, но отчего-то сумрачную комнату. Не горели ни газовые светильники, ни свечи в высоких канделябрах. Лишь поленья в камине мягко потрескивали, освещая небольшую часть гостиной. Им вторили старые ходики, мерно тикающие на стене.

– Поздравляю, дружище! – первым поднялся из кресла щеголевато одетый мужчина по имени Шейн. Подойдя к высшему, от души похлопал того по плечу. – Бастиан Мар – личный дознаватель ее величества. Красиво звучит, демон тебя

побери!

– Да, неплохо, – улыбнувшись, согласился маг и с иронией добавил: – Хотя некоторые интерпретируют эту должность как мальчик на побегушках.

– А я и не сомневался, что изберут тебя, – польстил новоиспеченному дознавателю Реджинальд – знакомый Мара еще со студенческой скамьи.

– Горжусь тобой, приятель! – присоединился к поздравлениям Иден, самый близкий друг Бастиана и по совместительству кузен его невесты. Сердечно обняв будущего родственника, шепнул тому на ухо: – Надеюсь только, ты теперь не зазнаешься и не забудешь о нас, твоих друзьях. Мало ли, как в жизни все повернется.

В ответ на такое заявление Бастиан чуть заметно усмехнулся. Не раз ему доводилось хлопотать за Шейна и Реджинальда перед коллегами в полицейском управлении, которое те посещали не реже, а может, даже чаще, чем столичные бордели. Идена тоже нельзя было назвать святошей, но, в отличие от бесшабашных друзей, он вел себя осмотрительнее, никогда не лез на рожон и старался избегать неприятностей, чтобы, не дай бог, не запятнать свои доброе имя и кристально чистую репутацию.

Траппер зажег несколько светильников и бесшумно выскользнул в холл, оставив дверь приоткрытой, надеясь не пропустить ни единого слова из разговора высших.

Одного взгляда, брошенного на захмелевшую троицу, Ба-

стиану было достаточно, чтобы понять: друзья уже всюду отмечали его повышение по службе.

– Что, не могли меня подождать? – хмыкнул Мар.

– А чем мы, по-твоему, здесь битый час занимались? Как раз тебя дожидались, – наигранно возмутился Шейн и в свое оправдание добавил: – Надо ж было как-то убивать время.

– Но почему у траппера? – Бастиан бы еще понял, если бы его пригласили в ресторан. Но никак не в гости к охотнику.

– А ты туда глянь. – Иден отошел в сторону и, спрятав руки в карманы брюк, весело объявил: – Это чтобы в будущем у тебя, Мар, не случилось провалов в памяти. Маленькое напоминание о нашей дружеской заботе.

Только сейчас Бастиан заметил в кресле возле камина незнакомую девушку. Она сидела, обхватив плечи руками и сжавшись в комок. Несмотря на близость пламени, жадно облизывающего ажурную решетку в тщетной попытке вырваться на волю, незнакомка дрожала не переставая, словно ее бил озноб. И смотрела на молодых людей глазами, полными ужаса.

Мар вздернул брови, удивленно рассматривая пришлую.

– Хотите сказать, эта кукла для меня?

Девушка действительно больше напоминала фарфоровую статуэтку, нежели живое существо из плоти и крови. Тоненькая, изящная, с бледной кожей и нежными чертами лица. Голубые глаза в обрамлении черных, по-кукольному загнутых ресниц были широко распахнуты, в них плескался пани-

ческий страх. Светлые волосы собраны в пучок на затылке, лишь несколько прядок выбились из прически и тугими завитками обрамляли смазливое личико.

По виду больше семнадцати не дашь.

Белое платье с пышной укороченной юбкой до середины икры еще больше добавляло незнакомке сходства с любимой девчоночкой игрушкой. На изящных ступнях – пуанты, стройные ножки затянуты в белые чулки. Видимо, танцовщица, которую траппер выкрал прямо из театра.

Юное, беззащитное существо. Наверняка ей даже не объяснили, где она и почему здесь оказалась.

– Не нравится? – чуть нахмурился Иден, ожидавший от друга совсем другой реакции. – По-моему, миленькая. И как раз в твоём вкусе.

– Да, но... Зачем? – растерянно пробормотал Бастиан, едва не добавив: «На кой демон мне сдалась рабыня, внешне так похожая на мою будущую жену?»

Но, чтобы не обижать друзей, сдержался.

Эмилия, которая должна была в скором времени стать его супругой, была точь-в-точь как эта девушка – очаровательная блондинка с наивными голубыми глазами. Обзаводиться копией невесты Бастиан не собирался.

По крайней мере, не в ближайшем будущем.

Сейчас, с новой должностью и грядущей свадьбой, ему только рабыни не хватало. Странно, что друзья, собираясь сделать ему столь дорогой подарок, не подумали о неудоб-

ствах, которые могут возникнуть из-за этого самого подарка.

– Как зачем? Каждому уважающему себя высшему – тем более занимающему такой важный пост! – нужна фаворитка. Разве не видишь, сколько в ней чувств! – Иден легкой, пружинистой походкой пересек гостиную и подошел к девушке. Та еще сильнее вжалась в высокую спинку кресла. Приоткрыла рот, наверное, чтобы закричать, но с губ не сорвалось ни звука.

Ее страх, отчаянье немного притупляли наложенные траппером чары. Но не настолько, чтобы не ощущать ее эмоции, чтобы не возникало желания их попробовать. Вобрать в себя чистые, ничем не замутненные чувства. Какими обладали только пришлые.

Бастиан тряхнул головой, прогоняя непрошеное наваждение. Несомненно, девушка хороша собой. Даже слишком. И будь он свободен, ни за что бы не отказался от такого презента. Но Эмилия... Его нежная, ранимая Мими. Не хотелось обидеть невесту появлением в его жизни другой женщины.

По крайней мере, не сейчас, когда есть надежда, что у них и без всяких иномирянок все сложится.

– По-моему, отличный экземпляр для продолжения рода, – словно прочитав мысли друга, принялся нахваливать девушку Иден. Как будто она была выставленным на продажу товаром. Впрочем, для высших она таковой и являлась. Красивой игрушкой, сосудом, полным переживаний и чувств. В которых маги так нуждались. Которые влекли, ма-

нили, дурманили разум.

Обойдя кресло, Иден встал у девушки за спиной. Склонился к ней, с наслаждением втянул воздух возле ее лица. Потрясающий, ни с чем не сравнимый аромат чистых эмоций. Выпивать такие – наивысшее удовольствие.

Особенно страх.

Страх был самым его любимым. Как и страсть. Идену нравилось разжигать в таких юных, непорочных созданиях желание. А потом, смакуя, пить их переживания, снова и снова, по капле впитывая в себя.

– Представь, какого замечательного наследника сможет подарить тебе эта красотка.

– Я все же надеюсь, что мне подарит его Мими, – упрямо возразил Бастиан. Слишком поспешно, потому как опасался, что если позволит сомненьям проникнуть в сердце, тогда уже точно не сможет устоять перед этим белокурым соблазном.

– Подстраховка никогда не помешает, – философски заметил Иден, подушечками пальцев едва касаясь оголенных плеч девушки. Небрежным движением приспустил бретельку. Лаская, прошелся по тонкой шейке и с искушающей интонацией продолжил: – Только посмотри на нее. Ну разве не чудо?

Девушка под его руками затрепетала. Едва ли она понимала, что происходит. Благодаря заклинанию окружающий мир казался ей размытым и неясным. Магия должна была приту-

пить страх, но он, наоборот, с каждой минутой становился все сильнее. Концентрировался в ней, неспособный выйти наружу. И Идену от этого головокружительного чувства, что источала незнакомка, становилось все сложнее себя сдерживать.

Не сумев совладать с искушением, он потянулся к девушке, стремясь забрать себе хотя бы частичку ее переживаний.

– Эй, Иден! Угомонись! Этот цветочек сорвали не для тебя, – осадил друга Шейн, который и сам был не прочь оказаться на его месте.

– Это, конечно, очень щедрый подарок, – наконец, проговорил Бастиан, стараясь, чтобы голос звучал как можно равнодушнее. – Но я не могу его принять. Скажите трапперу, я отказываюсь от пришлой.

На какое-то мгновение в комнате повисло молчание, нарушаемое лишь монотонным тиканьем часов. Мужчины хмуро переглядывались, удивленные решением друга.

– Проклятье, Мар! – с обидой в голосе, как будто отказывались от него, а не от безымянной рабыни, воскликнул Реджинальд. – Ты в своем уме?! Ты хоть представляешь, как долго мы искали подходящий экземпляр?!

– В следующий раз, если захотите сделать мне приятное, просто купите бутылку эльдорского, – отшутился Бастиан, пытаясь разрядить обстановку.

– Так и сделаем, – мрачно буркнул Иден. Подхватив с софы пальто, перекинул его через руку и, даже не пытаясь

скрыть разочарование, сказал: – Что ж, поехали, что ли, напьемся. Куплю тебе эту твою бутылку.

Чувствуя себя последним предателем, Бастиан покачал головой:

– Давай лучше в другой раз. Я собирался сегодня еще поработать. Вы, наверное, уже слышали о новом убийстве? – В последний раз взглянув на девушку, молодой дознаватель с сожалением вспомнил о той, другой. Пришлой, ставшей очередной жертвой маньяка, которого ему предстояло отыскать.

– Еще бы! – хмыкнул Иден. – Об этом только ленивый не написал.

– Удачной охоты, – шутливо пожелал другу Шейн и, любясь собой, поправил повязанный вокруг шеи белоснежный платок, оттененный брошью из оникса, а потом улыбнулся своему отражению.

Не прошло и минуты после ухода дознавателя, как в комнату вернулся хозяин дома – тенью скользнул в приоткрытую дверь и замер у самого входа. Старик недовольно поджимал губы и мысленно перебирал в уме имена клиентов, гадая, кому еще можно всучить рабыню.

Такой товар – и не взять. Немыслимо!

Траппер нервничал. Если господа высшие откажутся от девушки, а покупателя на стороне не найдется, придется отдавать ее на попечение властей. А тем плевать, что рабыня эта первого сорта, наилучшего качества. Заплатят по стандартному тарифу жалкие медяки.

– Может, кто-нибудь из господ желает оставить ее себе? – с надеждой спросил мистер Перегрин, исподлобья поглядывая на высших.

Мужчины обменялись взглядами. Потом одновременно посмотрели на сжавшуюся в комок девушку. Эмоции продолжали концентрироваться в ней, опьяняя, дурманя.

– Давайте поступим так, господин Перегрин. – Иден ловко подхватил трость, украшенную массивным бронзовым набалдашником. Кончик ее скользнул по икре девушки, увлекая за собой тонкую ткань невесомого наряда и оголяя изящную ножку. Пришлая попробовала было дернуться, отмахнуться, но сил хватило лишь на вялое движение рукой. Оценив манящий изгиб бедра, нежность кожи, обтянутой тончайшей паутинкой чулок, маг расплылся в предвкушающей ночное безумство улыбке. – Ты оставляешь задаток себе, а мы забираем девушку. До утра. Потом можешь делать с ней все, что захочешь.

У траппера язык не поворачивался сказать «да». Старик хмурился, раздосадованный тем, что ему не предлагали, нет, – ему приказывали! – расстаться с рабыней за мизерный задаток. Кто его знает, в каком состоянии потом вернут девицу.

– Вы же понимаете, – осторожно, чтобы ненароком не оскорбить влиятельных клиентов, заговорил охотник, – никому не нужен порченный товар. Эта иномирянка – отличнейший экземпляр и...

– Ничего с ней не случится! – резко оборвал его Шейн, которому безумно понравилась идея друга. С того самого момента, как увидел девушку, его не покидало желание попробовать ее эмоции, насладиться ее красотой.

Иден достал из кармана сюртука несколько банкнот и, даже не пытаясь скрыть презрения к мелочному старикашке, сунул тому деньги в жилистую руку.

– А это чтобы ты не волновался.

Понимая, что спорить бесполезно, охотник послушно принял вознаграждение и с мольбой в голосе попросил:

– Только верните ее потом.

– Сказано же, вернем! – вспышка раздражения погасла так же внезапно, как и появилась, и дальше уже Иден говорил холодным, ничего не выражающим голосом. – Доставишь ее вот по этому адресу, – протянул следом за купюрами визитку. – И поторопись. Я не люблю ждать.

– Будет исполнено, ваша милость, – почтительно поклонился виконту траппер и проводил гостей до ворот.

Вернувшись в дом, приказал служанке подготовить иномирянку к поездке. А себя успокоил тем, что поступил он правильно. Таких клиентов не стоит терять.

Ну а девушка... В самом деле, что с ней может случиться за одну короткую ночь?

О которой она потом даже не вспомнит. Уж маги точно не оставят после себя следов.

Глава вторая

– Думаешь, она уже того? Дохлая? – Девчушка лет десяти опустилась на колени возле своей находки. С опаской, к которой примешивалось и любопытство, ткнула в незнакомку пальцем и тут же отдернула руку. – Брр, холодная!

– Правильней говорить мертвая, Эва. Мертвая, а не дохлая, – поморщилась мадам Леттис, с недовольством косясь то на падчерицу, то на не подающую признаков жизни девушку, имевшую наглость развалиться прямо посреди аллеи, пролегавшей через городской парк, в этот час абсолютно пустынный.

Если не считать трупы бродячих артистов, которые спокойно спали себе в своих шатрах и продолжали бы в том же духе, не приспичь Эве отправиться посреди ночи на прогулку.

– Хорошенькая-то какая! Прямо кукла. – Девочка с интересом разглядывала пришлую. Поборов страх, украдкой трогала ее наряд, хрупкую, безжизненно лежавшую на земле руку. – Только почему-то без туфельек. И платье порвала... – пробормотала расстроено, отметив, что некогда белоснежному наряду не хватает одной бретельки.

– Нашла, где помирать, – проворчал подошедший к ним мистер Тауруш – руководитель труппы и отец непоседливой Эвы. Привлеченные шумом, за ним уже спешили еще двое.

Остальных комедиантов, за день утомленных выступлениями, по-видимому, сейчас не разбудил бы даже пушечный выстрел. – А ты что здесь делала?! – накинулся мужчина на дочь.

– Гуляла, – девочка подняла на отца карие глаза и невинно захлопала ресницами. – Мне не спалось.

Мистер Тауруш опасливо огляделся. Занимался рассвет. Еще час-другой, и парк оживет. А у него здесь прямо под носом валяется какая-то девка. То ли еще живая, то ли уже мертвая. Последнее, что сейчас нужно было пожилому мэтру, – это пристальное внимание со стороны констеблей. Поди потом докажи вредным полицейским, что он и его ребята эту девицу никогда прежде в глаза не видели и знать не знают, что с ней произошло.

А если она возьмет сейчас и подохнет?! Конечно же, свалят все на бродячих артистов, лишь бы не утруждаться расследованием.

– Совсем бедняжку опустошили, – присоединился к «зрителям» мистер Хэймо – маг, хоть и довольно посредственный. Он был единственным, кого Тауруш мог себе позволить нанять для создания во время выступлений простеньких магических иллюзий.

Мужчина наклонился ниже, сквозь монокль на кожаном ремешке, издали напоминавший глазную повязку, внимательно разглядывая бледное, как будто слепленное из воска лицо с заострившимися чертами. Синяки, темным узором

покрывавшие тонкие руки, разодранное в клочья платье... Маг недовольно причмокнул – похоже, для этой девочки одним опустошением все не обошлось.

– Вроде бы дышит, – со скучающим видом поделилась мнением Истер – любимица публики и прима их маленького коллектива, свято верившая, что рано или поздно ее заметит антрепренер какого-нибудь крупного театра и откроет ей двери в новый мир, которого такая красавица, как она, несомненно, была достойна.

– Па-а-а, – протянула Эва, заискивающе улыбнувшись, – а помнишь, ты мне обещал эту... как ее... ну ту самую... компаньонку! – радостно воскликнула девочка, вспомнив слово, однажды услышанное от отца. После чего решительно ткнула в иномирянку пальцем. – Я хочу эту. – Заметив, что родитель по-прежнему хмурится и с явной неприязнью, а может, даже с опаской поглядывает на девушку, бойко затараторила, подскочив с колен: – Хочу, хочу, хочу!

– Угомонись! Эва! – прикрикнула на падчерицу мадам Леттис и проворчала, обращаясь к мужу: – Опять концерт устроила... Говорила тебе, разбаловал ты ее. Какая к демоннам компаньонка?!

– Как по мне, Эва права. Служанка лишней не будет. – Во взгляде примы появился интерес. Теперь Истер рассматривала пришлую оценивающе, как бы гадая, справится ли та с обязанностями, которые в мыслях актриса уже на нее возложила. – А также хорошая швея. Я все пальцы себе исколола,

штопая это старье! Кое-кто ведь не хочет раскошелиться на новые костюмы. – Она многозначительно покосилась на мистера Тауруша.

– Это моя кук... – возмутилась было девочка. Поняв, что чуть не сморозила, быстро поправилась: – Моя компаньонка!

– Детка, это не кукла, это живой человек. И мы ее себе не оставим, – мягко возразил отец Эвы, мысленно проклиная тех, кто подбросил им это «счастье».

Больше всего на свете Тауруш любил баловать свою единственную дочь. Но ведь всему должен быть предел. Не дарить же ей живого человека!

На которого у них нет ни права, ни средств.

– Но почему? – надула губы Эва и капризно крикнула, топнув ногой: – Па!

– Мне неприятности не нужны, – снова оглядываясь по сторонам, словно опасаясь в предрассветных сумерках обнаружить спешащих к ним полицейских, нервно проронил мистер Тауруш. – Вдруг это беглая рабыня.

– Знака на ней нет, – осторожно повернув девушку, будто та действительно была игрушкой, хоть уже, скорее всего, поломанной, сообщил Хэймо и смахнул с ее плеча пожухлый листок.

– Значит, тем более! – еще больше заволновался мужчина и безнадежно вздохнул, обращаясь скорее к самому себе, нежели к бодрствующим членам труппы: – Придется все-

таки вызывать патруль. – Вздрогнул, услышав, как девушка слабо шевельнулась и издала не то стон, не то всхлип.

– Давайте хотя бы занесем ее в шатер. Бедняжка вся продрогла, – сжалился над незнакомкой маг. Его любимым хобби было создание простеньких лечебных снадобий и магических зелий. При помощи некоторых он сбивал температуру, другие помогали спастись от мигрени. Они особенно выручали мадам Леттис, которая ни дня не могла прожить без его чудодейственных настоек. С помощью бальзамов собственного приготовления Хэймо помогал зализывать «боевые раны» любимшим покутить в кабаках артистам, и сейчас ему не терпелось заняться нежданно-негаданно свалившейся им на головы пациенткой. Хоть чуть-чуть облегчить страдания несчастной до прихода полиции.

Легко подхватив почти невесомое тело, мужчина понес девушку в свой шатер, который делил с двумя братьями-иллюзионистами, не так давно примкнувшими к труппе.

Истер, зевнув, отправилась к себе досыпать. Дальнейшая судьба незнакомки была ей неинтересна, раз уж девчонку не захотели оставлять в качестве служанки. Мадам Леттис тоже не стала задерживаться, ведь завтра, а вернее, уже сегодня им предстоял еще один суматошный день в столице.

Эва поспешила за отцом в шатер, безуданно повторяя:

– Па, ну пожалуйста, давай оставим ее себе. У меня же завтра день рождения. Я тоже хочу себе компаньонку! Ты ведь сам говорил, что я ничем не хуже этих рас... расфифе-

ренных... Тьфу ты! Ну, короче, леди! А у всех леди есть свои ку... компаньонки.

Постепенно в парк, раскинувшийся на самой окраине Морияра, вернулась тишина. Только из шатра с синим выцветшим пологом доносились слабые стоны незнакомки, которые то и дело заглушало плаксивое:

– Ну, па!

Глава третья

Четыре месяца спустя

– Да, и еще это, это и, наверно... это. – Истер нагнулась в очередной раз, порылась в своем бездонном кофре и, выудив оттуда нижнюю льняную юбку, небрежно швырнула ее мне. И снова попала по лицу. – Фух! – Подув на упавшую на глаза смоляную прядку, довольно заключила: – Ну, кажется все.

Я покачнулась под тяжестью одежды, едва уместившейся в руках, но устояла. С тоской подумала, что знакомство с местными достопримечательностями сегодня отменяется. Пока смотаюсь к ручью, пока постираю, настанет пора готовить нашу приму к выступлению. Или играть с Эвой, или выполнять мелкие поручения мадам Леттис.

А может, все сразу.

– Уверена, что ничего не забыла? – не сдержалась я.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – не уловив в моем вопросе иронии, смилостивилась работодательница.

Наверное, не стоило спрашивать, потому как уже в следующую секунду лицо Истер приобрело столь не свойственное ей задумчивое выражение. Не желая испытывать судьбу, я хотела уже ретироваться, но актриса меня окликнула:

– Да, Ива, и еще корсет почини. – В меня полетело ко-

жаное нечто, щедро украшенное цепочками и застёжками на тоненьких ремешках. Благо успела пригнуться, иначе бы этот шедевр портняжного искусства точно бы сбил меня с ног. – Там шов сбоку разошелся, – проинформировала актриса и махнула рукой, отпуская. Сама же принялась сосредоточенно изучать в зеркале свое отражение, проверяя, не появилась ли где на лице за ночь морщинка.

Ритуал, который Истер исполняла каждое утро.

Прихватив с собой корсет, я закинула его в наш с Эвой шатер, а сама отправилась к ручью. Потому что тратиться на прачечную актриса категорически отказывалась.

День хоть и выдался солнечным, но по-прежнему было прохладно. Весна только-только вступила в свои права, и уже через каких-то пару минут полоскания блузок, юбок и ажурных чулок в холодной воде мои руки заledenели. Попытка отогреть их дыханием немного улучшила положение. Но ненадолго.

В такие моменты, как сейчас, становилось особенно горько, накатывали непрошенные воспоминания. О первых неделях в Эльмандине – странном мире, в котором мне не повезло очутиться. Не сразу сумела привыкнуть к новой жизни. К незнакомым людям.

Смириться.

Осознать, что это не сон, не ночной кошмар. И что я никогда не смогу вернуться обратно. И что все, кого любила, кто был дорог мне, остались в прошлом. А в будущем... О

том, что могло ждать меня впереди, старалась не думать.

Порой я начинала ненавидеть эту свою жизнь. Жизнь Зо-лушки, девочки на побегушках. Думала ли о том, чтобы покончить с таким существованием? Не раз. Но дальше мыслей дело пока не шло. Я не хотела умирать. Наверное, где-то в глубине души не теряла надежды, что когда-нибудь все изменится.

Нет, о встрече с прекрасным принцем (боюсь, здесь такие не водятся) и знакомстве с феей крестной я даже не мечтала. Но раз возможны путешествия между мирами, существует магия, то почему бы не поверить в то, что однажды и я смогу обрести некое подобие счастья.

Такое самовнушение являлось *моим* ежеутренним ритуалом. Это помогало держаться, не сойти с ума.

Для меня так и осталось загадкой, кому и зачем понадобилось вырывать меня из родного мира. Хорошо помню свой последний день там, один из самых радостных и волнующих. Мое первое выступление в роли Мари из «Щелкунчика». Дебютный сезон – и уже главная роль. Тут было чем гордиться.

Что и делали мои родные. Мой любимый. Которого я больше никогда не увижу.

Я часто задаюсь вопросом, оправились ли от удара мои бедные родители. Как воспринял исчезновение невесты Игорь. Возможно, уже нашел себе девушку и успокоился. И мама с папой... Хотя нет, они уж точно не смирились.

От этого становилось еще больнее.

Помню, с замиранием сердца считала секунды до выхода на сцену. Боялась, радовалась, не верила, что все происходит на самом деле. Со мной. А дальше... Внезапная тьма и такой манящий далекий свет, струящийся точно из ниоткуда. Он словно приглашал последовать за собой в неизвестность. Я сделала шаг, потом другой. Не заметила, как сорвалась с места, побежала...

В себя пришла в трясущейся повозке, под заботливым надзором мистера Хэймо.

Когда шок прошел, смогла отвечать на вопросы, слушая вкрадчивый голос мага, его объяснения, которым не желала верить. Тогда все это казалось мне бредом, и первые дни я даже ловила себя на том, что начинаю отчаянно щипать руку в тщетных попытках проснуться.

Не помогло.

Радовало, что я хотя бы понимала их речь. Оказывается, это первое, что делают трапперы, заманив человека в свой мир. При помощи чар вкладывают в его сознание элементарные знания, как, например, владение языком, чтобы избавить покупателя от лишних хлопот. Намного ведь удобнее, когда игрушка понимает твои приказы и не приходится утруждать себя объяснениями на пальцах.

Покупатели... Маги, или, как их здесь почтительно величают, высшие – это отдельный разговор. Хэймо считает, что выманили меня для того, чтобы сделать фавориткой одного такого высшего. Ведь я подхожу по всем параметрам

для роли рабыни: молода, красива, плодовита... Уж не знаю, при помощи каких таких чар они определяют последнее. Но главное – мои эмоции. Маг утверждает, что они у меня очень яркие, сочные, имеющие свой неповторимый вкус. Мне это непонятно. И когда он начинает так говорить, сразу же представляется какой-нибудь бифштекс с хрустящей корочкой. Или блинчики, политые клубничным вареньем. Но никак не эмоции.

Видимо, я оказалась недостаточно хороша для высшего, кем бы он ни был, раз предпочел от меня избавиться. Может, не понравилась на вкус? Или запах моих чувств оказался ему неприятен. Кто знает...

А вот Хэймо не брезгует и время от времени понемногу тянет из меня эмоции. Хоть и ворчит потом, что я то горькая, то кислая. Ему, видите ли, больше по душе положительные переживания. Увы, в моем меню нет ничего, кроме тоски по дому и страха перед неизвестностью.

Обычно после таких сеансов эмоционального вампиризма у меня появляются апатия, безразличие. Жаль, ненадолго. Я не против делиться с магом чувствами, ведь это единственное, чем могу отплатить ему за заботу.

До сих пор не верится, что меня угораздило оказаться в мире эмоциональных торчков. У которых своих чувств с годами становится все меньше и которым для поддержания жизни нужны чужие.

Постоянно.

С чем это связано? Об этом, так же, как и о многом другом, тоже поведал мне Хэймо.

От мага узнала, что Верильская империя, мой новый дом, – самое крупное из когда-либо существовавших на Эльмандине государств. В состав империи входят королевства, с которыми Верилия долгое время воевала за господство на континенте, а также ее многочисленные заокеанские колонии.

Верильские маги не сомневались в победе, а в итоге чуть не потеряли все. В своем стремлении сохранить свободу и независимость, их противники обратились к некромантам, чтобы с их помощью оживлять мертвых и использовать тех в борьбе с захватчиками.

Все увеличивающиеся полчища мертвецов грозили погresti верильцев под пеплом их собственных тщеславных стремлений. И тогда маги решились воззвать к Триаде тьмы, древним богам, от которых сами же некогда и отреклись.

Дабы вымолить прощение у темной троицы, верильцы пошли на страшные жертвоприношения, и умащенные ими боги наделили магов силой, по словам Хэймо, «доселе невиданной, неподвластной прежде ни живым, ни мертвым».

В общем, страшное то было время. Одни поднимали из могил мертвецов, другие загоняли своих же в могилы, лишь бы выслужиться перед кучкой божков и урвать у них как можно больше магической силы.

В конце концов, противник был разгромлен, и в империи

наступил мир. Всех некромантов уничтожили. Первые годы, когда воспоминания о пережитых кошмарах были еще свежи, любого арестовывали и казнили без суда и следствия лишь по подозрению в связи с загробным миром. В те мрачные времена погибло немало высших. Выжившим магам пришлось присягнуть на верность короне и Триаде тьмы, взамен получив от богов подарок в виде все той же силы.

Лишь спустя годы высшие поняли, что у обретенного могущества была своя цена. Платить пришлось собственными жизнями. Та сила, о которой они мечтали и ради которой было пролито столько крови, начала пожирать их самих. Выжигать в них чувства, эмоции. Поначалу магов одолевала апатия, на смену ей приходило равнодушие и, наконец, полное безразличие. В итоге человек становился живым трупом. Такое состояние, что-то вроде комы или летаргического сна, могло длиться месяцы, а то и годы, прежде чем маг умирал. Когда последние крупницы смертоносной силы покидали тело, оно начинало разлагаться, превращалось в тлен.

Хэймо говорит, что существуют целые кладбища, где похоронены не совсем мертвые высшие. Они лежат в своих роскошных склепах, в хрустальных гробах. Как Белоснежки. Вот только не находится таких принцев с принцессами, чтобы их разбудить.

За ними ухаживают, их навещают. По словам Хэймо, некоторые склепы будут пороскошнее иных дворцов.

Жаль, что при таком почтительном отношении к мертвым

высшие ни во что не ставят живых.

В Верилии маги составляют примерно треть населения. Остальные – простолюдины. Поначалу они-то и являлись основным источником питания для этих отморозков. Пока не выяснилось, что у обычных людей после контакта с высшими не восстанавливается эмоциональный резерв. И это постепенно приводило к такой же, как и у магов, смерти, способной растянуться на целые годы.

Осознав это, власти забеспокоились о своем народе и его судьбе. На помощь были призваны лучшие ученые мужи Эльмандина. Кто-то искал лекарство от странного недуга, кто-то надеялся обнаружить способ восстанавливать эмоциональный резерв.

А один умник (отдельное ему за это спасибо!) придумал, как выманить людей из другого мира. Таких магов, как он, стали называть трапперами. А иномирцев – пришлыми.

– И что, никак нельзя избавиться от этих сил? – спросила я тогда у Хэймо. – Раз из-за них столько проблем и бед.

– Не все так просто, милая, – грустно усмехнулся маг. – Ритуал отречения сложен и небезопасен. Велики шансы после него умереть. Я вот когда-то по глупости решил, – мужчина задумчиво пожевал чубук своей старенькой трубки. – А в итоге чуть не погиб и стал никем. Из могущественного высшего превратился в того, чьих сил едва хватает на создание простейших иллюзий. А вот зависимость никуда не делась... Многие считают так: зачем рисковать собой, когда

можно выманивать пришлых? Да и не хотят маги терять способности, когда можно просто приобрести себе пару-тройку рабов или использовать для подпитки создаваемые с вашей помощью артефакты.

Хэймо объяснил мне, что у пришлых этот самый эмоциональный резерв – самовосстанавливающийся. Главное – не опустошать до конца. Иначе тоже в хрустальный гроб в белых тапочках. Или, что более вероятно, в обычный крематорий. Такие, как я, хрустальных гробов недостойны.

Хэймо и остальные отмалчиваются, но я знаю, что именно это произошло со мной в ночь, когда меня выбросили за ненадобностью. Меня почти опустошили. Сложно объяснить, откуда взялась такая уверенность. Просто я чувствовала, что была на волосок от гибели. И до сих пор не могу понять, почему так отчаянно цеплялась тогда за жизнь...

Не все маги могут позволить себе заказать у траппера иномирянина, даже одного. Потому как дорого. Высшим, рангом пониже, приходится довольствоваться артефактами, производимыми на бесчисленных фабриках Верилии. Это одна из причин, по которой я до сих пор живу с артистами. Уж лучше служанкой у них, чем автоматом по производству эмоций, которые из меня будут выкачивать каждый божий день, чтобы потом при помощи чар помещать во всякие симпатичные безделушки. Вроде карманных часов или медальона. Во что-то, что маг может всегда иметь под рукой и в любой момент, когда ему будет угодно, освежиться чужими

чувствами.

Все тот же Хэймо утверждает, и я ему верю (по крайней мере, проверять, так ли это на самом деле, точно не хочется), что работа на фабрике каторжная. Долго пришедшие там не живут, быстро сгорают.

– Хорошо, что Эва все-таки уговорила Тауруша оставить тебя. – В тот вечер откровений маг был особенно оживлен и доволен жизнью. Напитавшись моими чувствами, очень походил на объевшегося рыжего кота. Рыжего, потому что имел густую, цвета ржавчины шевелюру, едва тронутую сединой, и такие же густые, смешно топорщащиеся усы. Развалившись у костра и дымя трубкой, неспешно делился своими соображениями относительно моей судьбы. – Если бы не наша малышка, тебя бы сдали в полицию. А оттуда – на «проштамповку». Скорее всего, ты бы очутилась на одной из фабрик или же была бы продана с молотка какому-нибудь плешивому магу. На такие аукционы обычно отправляют второсортный товар и рабов, от которых отказался хозяин. Уважаемые констебли точно не стали бы заморачиваться поисками высшего, который выбросил тебя на улицу. Ты, Ива, – умница, красавица и достойна лучшего. Богатого господина, за которым будешь как за каменной стеной. Когда-нибудь, уверен, тебе повезет и ты встретишь такого.

Да уж, просто сказочная перспектива – стать чьей-то рабой.

Помню, после того разговора меня всю ночь тошнило. За-

то мысль о побеге больше не появлялась, и началось что-то вроде этапа смирения.

Я поняла, что навсегда привязана к этому миру, зависима от этих людей и должна или принять новую жизнь такой, какая она есть, и радоваться тому, что все не оказалось еще хуже.

Или уйти из нее добровольно.

Глава четвертая

Стирка растянулась на два часа. Время от времени я останавливалась, чтобы хоть как-то согреть руки. Да и Истер нельзя было назвать чистюлей, поэтому с некоторыми ее вещами пришлось повозиться. Долго колотила о камни блузку, с кружевного жабо которой никак не сходили винные пятна. Этот способ я подглядела у мадам Леттис. Видела, как она то же самое проделывала с одеждой мужа, вроде бы это помогало избавиться от грязи. В моем случае, увы, не помогло, пятна так и не исчезли.

Кое-как отжав уже посиневшими пальцами злосчастную блузку, положила ее в корзину к остальным мокрым вещам. С трудом подняла плетенку и, пошатываясь под тяжестью груза, стала подниматься по пологому склону.

На этот раз наш маленький театр разместился за чертой города. По словам мистера Тауруша, здешние власти не жаловали бродячих артистов и не разрешали им разбивать шатры в парках. Особенно таким голодранцам, как мы. Которых и труппой-то полноценной назвать можно с большой натяжкой. Всего три актрисы, не считая юного дарования, Эвы, да один актер. Плюс никогда не унывающие братья-баламуты Гиб и Гленн.

Помимо Истер и мадам Леттис, в представлениях участвовала молодая супружеская пара, Кори и Чесс. Я бы сказа-

ла, из Кори актриса, как из меня прачка – то есть никакая. Уж слишком она на сцене скована и зажата, поэтому каждая ее реплика отдает фальшью. А вот Чесс – отличный комедиант. Сценки с его участием пользуются успехом, вызывают у публики взрывы смеха. Впрочем, и Гиб с Гленном легко находят ключики к сердцам зрителей.

Мистер Тауруш почти не играет, а в обязанности Хэймо входит создание иллюзий во время спектаклей. Помимо этого, маг у нас и лекарь, и психолог, и просто человек, к которому можно обратиться за дружеским советом.

Боюсь, я бы точно где-нибудь споткнулась или рухнула без сил, а может, остаток пути просто волочила бы корзину по земле, если бы не так удачно повстречавшийся мне Гленн, вызвавшийся донести белье до шатров.

– Как дела, красавица? Чего опять грустная? – одарил он меня лучезарной улыбкой и, легко подхватив с земли неподъемную ношу, бодро зашагал в сторону нашего лагеря.

– Да нет, все в порядке, – последовала я за фокусником, стараясь приноровиться к его широкому шагу и с наслаждением разминая кисти рук. Заметив, как он недоверчиво усмехнулся, поспешно заверила: – Правда все хорошо. Просто замерзла немного, пока стирала.

– Зря ты вообще это затеяла. – Гленн поднял голову к небу, которое, словно подстраиваясь под цвет его глаз, постепенно становилось пепельно-серым.

В этих краях всегда так. Солнце может исчезнуть в лю-

бую минуту, скрывшись за пеленой туч, нагоняемых ледяным ветром. И если пойдет дождь, то будет лить не переставая несколько часов. К счастью, народ здесь к причудам погоды привыкший, и маленькое ненастье не спугнет зрителей.

– Ты же знаешь, любое желание Истер для меня закон, – пошутила я, стараясь казаться как можно более беззаботной. Нечего ему засорять голову моими проблемами. – Разве можно отказать ее высочеству хоть в маленьком, хоть в большом капризе?

– Не нравится мне, что она так тобой помыкает. Хочешь, я с ней поговорю? – покровительственно предложил Гленн и заговорщически мне подмигнул.

В такие минуты он был очень похож на брата. Гиб такой же худой и нескладный, любитель распушить хвост перед любой мало-мальски симпатичной девушкой.

Вообще, как успела заметить, мужчины в этом мире особым благочестием не отличаются. И верность для них – пустой звук. А может, просто судьба пока сталкивала меня с такими вот индивидами. Взять хотя бы Гиб и Гленна. Их хлебом не корми, дай поволочиться за кем-нибудь. Да и Чесс частенько от жены налево бегаёт, как только появляется возможность.

– Не надо ни с кем говорить, – постаралась я придушить на корню этот неожиданный приступ благородства. Фокусник в ответ лишь неопределенно хмыкнул. – Гленн, я серьезно! – С таким взрывным характером, как у Истер, это ни к чему

хорошему не приведет. Только наживу себе в ее лице еще большую проблему. Вздорную, злопамятную и очень крикливую проблему. – Мне совсем не сложно ей помогать.

Да и вообще, развешу белье в ее шатре, пусть всю ночь наслаждается сыростью. А что? Не под дождем же сушить. Вон уже начинает накрапывать.

Гленн проводил меня до шатра ярко-бордового цвета. Вернее, ярким он был когда-то, в незапамятные времена, а сейчас больше смахивал на серо-буро-малиновый.

Проинформировав, что еще нужно успеть отработать с братом новый номер, парень улыбнулся мне на прощание и, насвистывая себе под нос какой-то браваурный мотивчик, отправился своей дорогой.

А я юркнула в шатер со словами:

– Истер, можно у тебя белье развесить? А то дождь начн... – я осеклась на полуслове и почувствовала, как щеки заливают румянец.

Актриса в фривольной прозрачной сорочке, словно наездница, восседала верхом на черноволосом типе внушительных размеров. Волосатые ноги не помещались на шитом из лоскутов одеяле, руки были раскинуты в стороны, а сам их обладатель млел от предвкушения наслаждения.

Истер уже успела стянуть с него куртку и брюки, которые были живописно разбросаны по полу и являли собой не что иное как полицейскую форму.

Увлеченная раздеванием любовника, актриса не сразу ме-

ня заметила. А заметив, не стала отвлекаться от столь приятного для нее занятия.

Представителей закона я боялась не меньше высших. А может, даже больше. При виде них внутри все переворачивалось, я цепенела. Вот и сейчас, увидев констебля, замерла, не способная ни пошевелиться, ни выдать из себя хотя бы слово.

– Ива, давай не сейчас. Мы тут... немного заняты, – промурлыкала актриса, с вожделением глядя на распластавшееся под ней тело.

Похоже, у Истер сегодня хорошее настроение. Что случилось нечасто. Она вся светилась от счастья и не переставала взирать на любовника с обожанием.

Как преданный пес на своего господина.

– Ива? – Мужчина приподнялся на локтях и посмотрел на меня с интересом. А в следующую секунду расплылся в улыбке. Плотоядной, скользкой и пугающей. – Новенькая?

Под его пристальным взглядом я сразу почувствовала себя обнаженной.

Увернувшись от очередного жаркого поцелуя, незнакомец поманил меня пальцем.

– Подойди ближе, – приказал властно. Ноздри его при этом затрепетали. Как у хищника, почуявшего запах истекающей кровью жертвы.

Мои руки дрогнули, и я едва не выронила корзину. Оставив ее у входа, на негнущихся ногах сделала несколько ша-

гов. Остановилась посреди шатра, не в силах приблизиться к полицейскому.

– Откуда у вас рабыня? – нахмурился тот.

– Подарок, – не растерявшись, соврала актриса и напоролась на удивленный взгляд темно-зеленых глаз. Нервно поерзав на своем «жеребце», поспешила выдать очередную сказку: – Одного моего поклонника. Ты ведь знаешь, как я давно мечтала обзавестись служанкой.

– Щедрый подарок, – недоверчиво хмыкнул маг.

Истер пренебрежительно пожала плечами.

– Не сказала бы. Эта рабыня, – бросив на меня недовольный взгляд, она снова повернулась к любовнику, – оказалась бесплодной. Кому такая нужна? Вот хозяин от нее и избавился, а себе прикупил новую.

К пренебрежительному тону примы я если и не привыкла, то хотя бы научилась на него не реагировать. К тому же в тот момент мне было не до ее унижительной лжи. Которая, несмотря на отличную игру актрисы, могла легко раскрыться. Стоило магу взглянуть на мое плечо...

С того дня, как попала к бродячим артистам, Хэймо каждый день поил меня зельем своего собственного приготовления. Вроде бы оно помогало перебивать мой запах – единственное, что выдавало во мне иномирянку. А в остальном я ничем не отличалась от жительниц Верилии. Носила неброские платья, а их у меня накопилось аж целых два: серое и коричневое. Волосы прятала под чепцом. Во время редких

прогулок с Эвой ходила со скромно опущенной головой, как и подобает верильской простолюдинке. В общем, старалась быть по возможности менее заметной.

До сих пор получалось. Ни один высший не заподозрил во мне девушку из другого мира. Да и не смотрели они на меня. Кому интересна тихая, забитая серая мышка.

Сегодня я, дура такая, забыла выпить хэймовскую микстуру. Сначала отвлекла Эва, потом позвала Истер, чтобы загрузить работой... Но и актриса тоже хороша! Хватило ума привести сюда полицейского. Да еще и высшего. И даже не предупредила меня!

– Подойди ближе. Я не кусаюсь, – продолжал сканировать взглядом маг.

Кажется, до примы наконец-то дошло, чем это знакомство может обернуться для меня и для труппы. Пробежавшись пальчиками по мускулистой груди констебля, Истер наклонилась к нему и сладострастно проворковала:

– Милый, ты сюда пришел, чтобы побыть со мной или пообщаться с моей служанкой? Я ведь могу и обидеться. Приревновать.

– Ладно. – Маг откинулся на спину, расплывшись в довольной улыбке, и пробормотал, блаженно прикрыв глаза: – Еще увидимся. Ива.

Намек я поняла. Метнувшись к выходу, подхватила корзину и выбежала из шатра. А оказавшись в своем, сразу бросилась к коробке из-под конфет, вместе со мной презенто-

ванной Эве на день рождения. Там хранилось заветное зелье.

Руки не слушались. Дрожащими пальцами с трудом удалось вытащить пробку. Сделав несколько жадных глотков, скользнула на пол и сжалась в комок, слыша, как в груди лихорадочно колотится сердце.

* * *

Не знаю, сколько так просидела, снова и снова воскрешая в памяти образ черноволосого мага, так напугавшего меня. Из состояния транса вывела заглянувшая в шатер Эва.

Девочка улыбнулась и весело предложила:

– Ива, пойдём поиграем. А то мне скучно. – Нетерпеливо подпрыгнула на месте, из-за чего ее каштановые кудряшки, собранные в два хвоста, тоже пришли в движение.

Родители и друзья всегда звали меня Иванкой, бабушка ласково величала Ивушкой. Но моей юной «хозяйке» больше по душе пришлась Ива. Ей нравилось, что наши имена созвучны. А я и не спорила. На момент, когда мы с ней познакомились, мне было без разницы, как меня будут звать. А потом незаметно привыкла к новому варианту имени, так же, как и к новой жизни.

Хотя нет, вру. С новой жизнью свыкнуться так и не удалось.

– Под дождем будем играть? – Сунув пузырек обратно в жестяную коробку, поднялась, сделав себе пометку в памяти:

сегодня же попросить Хэймо пополнить запасы зелья.

– А уже распогодилось, – радостно сообщила девочка.

Истер повезло, грозовые тучи, еще недавно клубившиеся на горизонте, стали расползаться, и вскоре небольшая полянка купалась в солнечных лучах. Развешивая вещи актрисы, я поглядывала украдкой на ее шатер. Торопилась, потому как боялась снова встретиться с магом.

А может, он уже ушел? Не будет же торчать здесь до самого вечера.

Зря так подумала. В какой-то момент, стряхивая много-страдальную блузку с так и не отстиравшимся жабо, почувствовала на себе чей-то взгляд. Липкий, назойливый.

Не обращать внимания не получилось. Обернулась и напоролась на кривую улыбку высшего. Сердце предательски екнуло, тело прошиб холодный пот.

Какой же все-таки неприятный тип. Как будто весь изнутри гнилой.

Полицейский ринулся было в мою сторону, но тут его отвлекла показавшаяся из шатра любовница. Растрепанная, по-прежнему полуголая, с глуповато-счастливым выражением на довольном лице.

Я не стала задерживаться. Оставив опустевшую корзину возле дерева, нашла Эву и потащила ее собирать цветы, чем-то похожие на мимозу, чтобы потом плести из них венки. К счастью, девочке понравилась моя идея, и она вприпрыжку побежала за мной.

Выступление закончилось уже за полночь. Не скажу, что прошло оно с полным аншлагом, но мистер Тауруш остался доволен и даже расщедрился на подарок для Эвы. Пообещал завтра же купить ей новенький капор с шелковыми мантильерками, о котором дочка давно мечтала.

У руководителя труппы имелось немало недостатков. Он сварлив, порой бывает груб, любит приложиться к бутылке, поотчитывать меня и потрепать нервы мадам Леттис. Но несомненным его достоинством являлась любовь к дочери. Тауруш просто обожал Эву и старался потакать всем ее капризам. А это значит, что завтра мы отправимся на экскурсию по городу и по магазинам.

Настроение начало улучшаться.

Чесс с фокусниками, несмотря на протесты Кори, решил задержаться в городе. Наведаться в здешние кабаки, ну и, конечно же, не обделит вниманием местных шлюх. По дороге обратно Кори не переставала расстроено шмыгать носом, а Истер, довольная своей блестящей игрой, отмечала очередной триумф бутылкой дешевого портвейна. Страсть к алкоголю являлась одним из многочисленных пороков актрисы.

Она так и не заговорила со мной о маге, зато всю дорогу сверлила злым, ревнивым взглядом. Будто я нарочно полезла к высшему знакомиться.

Утомленная богатым на впечатления днем, я едва не валялась с ног. Не терпелось оказаться в шатре, накрыться с

головой одеялом и хотя бы на несколько часов забыться, исчезнуть из этой реальности.

Хорошо бы.

Увы, мечтала я зря. Первое, что заметила еще на подъезде, – это открытое ландо, запряженное двумя воронными жеребцами под цвет повозки. А потом увидела и высшего, о чем-то беседовавшего с бледной мадам Леттис.

При виде мага Истер просияла:

– Милый! Не думала, что ты сегодня заедешь. – Сунув мне в руки бутылку, спрыгнула на землю и нетвердой походкой направилась к полицейскому.

Тот обнял ее, от души чмокнул в губы. Однако взгляд его в этот момент блуждал по моему лицу, рукам, всему телу. Сейчас на констебле не было униформы. Ее заменил серый костюм-тройка и элегантное, распахнутое на груди темное пальто с пелериной. На голове – блестящий цилиндр, идеально сочетавшийся с верхней одеждой, в руках – трость.

Почему-то от вида последней меня зазнобило.

Улыбнувшись сквозь смоляные усы, маг распорядился:

– Дорогая, раздобудь-ка нам вина. Только не то паршивое пойло, что мы пили днем, а что-нибудь попримечнее. А я пока, – при звуке его голоса сердце в груди болезненно сжалось, – потолкую с твоей... хм, горничной.

– Квинтин! – вспыхнула актриса и метнула в меня яростный взгляд.

Лучше б на своего любовника так смотрела.

– Иди, – повторил тот более холодно и резко. – И вы тоже, мадам Леттис, – уже гаркнул он, заметив, как женщина шагнула было в мою сторону.

Жестом велел мне поторапливаться, скрылся за темным пологом.

Глава пятая

– Значит, подарили. – Высший не спеша, явно испытывая на прочность мои нервы, обошел меня по кругу. Оценивал и присматривался, гадая, достойна я его внимания или нет. Остановившись сзади, так близко, что было слышно его дыхание, приступил к допросу: – И давно ты с ними?

Сглотнув образовавшийся в горле комок, тихо проронила:

– Четыре месяца.

– А до этого? У кого была?

Я молчала, понимая, что врать бесполезно. Он и так уже все понял, а если даже нет, то сейчас поймет. Стоит только ослабить шнуровку и приспустить с плеч платье...

Маг не стал настаивать на ответе. Будто уловив ход моих мыслей, стащил с меня выдавшую виды шаль, доставшуюся мне от Кори. Не беспокоясь о сохранности наряда, резко дернул за ворот. Я вздрогнула от такого обращения, ветхая ткань жалобно затрещала и сдалась, не выдержав столь грубого посягательства.

– Как интересно... Нет метки. Как такое возможно, куколка? – горячее дыхание опалило кожу.

Я поморщилась от слишком терпкого, тошнотворного запаха одеколона. Хорошо, что в тот момент высший не видел выражения моего лица. Думаю, оно бы ему не понравилось.

Мужчина провел пальцами по тому месту, где должно бы-

ло стоять магическое клеймо. А потом с явным недовольством спросил:

– Почему я не чувствую твоего запаха?

– Все из-за зелья, – с трудом выдавила из себя.

Маг усмехнулся:

– Умно. – Ледяные пальцы соскользнули с плеч. Я облегченно выдохнула, радуясь короткой передышке. – И долго они планировали поить тебя этой дрянью? Не вздумай принимать его завтра!

Полицейский отошел в сторону. К небольшому складному столику, заменявшему Истер и туалетный, и обеденный. Ухватился за горло немалых размеров бутылки – на дне ее еще плескались остатки вина.

– Завтра? – Я искоса наблюдала за магом, не решаясь повернуться и встретиться с ним взглядом.

– Завтра, куколка, у нас с тобой будет свидание, – просветил меня констебль и несколькими жадными глотками опустошил бутылку.

В отличие от Истер, я не умела прятаться за маской и скрывать свои чувства. И сейчас все эмоции, которыми так жаждал поживиться высший, проступили у меня на лице.

– Или, – в три шага преодолев короткое, разделявшее нас расстояние, он снова приблизился, потянул за завязки чепца и, небрежным движением отправив его на пол в компанию к шали, пропустил мои волосы сквозь пальцы, – как вариант, я могу арестовать тебя. А также Тауруша и всю его шайку –

за то, что укрывали беглянку. Как думаешь, что станет с малышкой Эвой без папочки? А с тобой? Так не терпится быть проданной с молотка? Или, может, мечтаешь потрудиться на фабрике?

Высший провел рукой по моей щеке. Возможно, в его понимании это была ласка, в моем же – изощренная пытка. Не сумев совладать с собой, дернулась, попыталась отстраниться. Каждое его прикосновение, каждый вожденный взгляд вызывали во мне отвращение. Панику. Почему-то казались знакомыми, а оттого еще более пугающими. Словно все это когда-то уже со мной происходило. Возможно, в каком-то чудовищном, давно позабытом сне.

Который вдруг стал явью.

– Или я сохраню твой секрет, и мы останемся друзьями. Близкими друзьями. Что выбираешь? – закончил полицейский шантаж на мажорной, с его точки зрения, ноте.

Выбираю? По-моему, выбора-то как раз мне и не оставили. Или арест и рабство, или роль бессловесной игрушки, временного развлечения для этого мерзавца. Другими словами, все то же рабство.

Мысли метались, словно пойманные сачком мотыльки. И среди них – ни одной путной, способной указать выход из безнадежного положения.

– Ива-а-а, – темно-зеленые глаза полыхнули нетерпением. – Выбирай: или редкие встречи со мной (Тауруш не так уж и часто приезжает к нам в гости), или тюрьма. Для всех

вас.

Интересно, Истер он тоже отправит за решетку, если я не соглашусь прыгнуть к нему в постель?

– И не бледней так. Вот увидишь, тебе понравится, – самодовольно пообещал высший.

Сомневаюсь...

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Ну вот, уже большая девочка, – проговорил маг с такой интонацией, словно упрекал меня в неуместном страхе. – Ну так что, Ива, мы договорились?

Кивнула, понимая, что согласие – это еще и отсрочка, возможность выиграть время, чтобы все хорошенько обдумать. Скажу «нет», и уже сегодня буду ночевать в камере.

Мы все будем там ночевать.

– Умница. – Полицейский достал из кармана какую-то бумажку и сунул ее мне в руку, заставил сжать непослушные пальцы и только потом отпустил. – Явишься завтра вечером вот по этому адресу. Попросишь господина Квинтина Торсли. И повторяю, пока ты здесь, не вздумай больше пить эту дрянь. Я хочу ощущать твои эмоции.

Кончиками пальцев приподняв за подбородок, маг заглянул мне в глаза и, прочтя в них что-то, что ему явно понравилось, довольно усмехнулся.

– А теперь иди, куколка. Мне еще нужно поговорить с Истер.

Просить дважды не было необходимости. Подхватив с пола шаль, я выскочила на улицу, кутаясь на ходу, и едва не сбила с ног подслушивающую актрису.

Пунцовая от ярости, она уже готова была наброситься на меня с кулаками. К счастью, расправе помешал вовремя подоспевший Тауруш. Мне он велел идти к костру, а Истер – умасливать своего любовника.

Прошипев проклятия, актриса шмыгнула в шатер. Не прошло и минуты, как оттуда послышались истошные вопли и истеричные угрозы прибить и меня, и его. Если посмеет еще хоть раз только посмотреть в мою сторону.

Я даже понадеялась, что господин Торсли сейчас плюнет на свою затею, лишь бы уgomонить эту психопатку. Но, как вскоре выяснилось, плюнул он на нее. По крайней мере, прощались они холодно. Полицейский на Истер даже не смотрел, а она давилась злыми слезами.

Ландо быстро поглотила ночь, и на поляне, ставшей нам временным приютом, воцарилось безмолвие. А может, это я сидела возле костра как оглушенная. Потому как не слышала ни треска поленьев, пожираемых жарким пламенем, ни порывов ветра, клонившего к земле шапки цветов, из которых мы с Эвой сегодня плели венки. Губы мадам Леттис по-прежнему шевелились; кажется, она не переставала причитать и жаловаться на несправедливость судьбы, коварно подкинувшей им пришлую, то есть меня.

Кажется. Ее я тоже больше не слышала.

Мистер Тауруш, мрачный и напуганный, нервно вышагивал возле костра. Эву увела Кори. А единственный, в ком я сейчас нуждалась, чей совет хотела бы получить, остался в городе. Отправился навестить старого друга.

– Ива...

Почувствовав прикосновение к своей руке, с трудом отвела от пламени взгляд. Мистер Тауруш устроился рядом, своими немалыми габаритами решив испытать на прочность сухое полено.

Ругать не спешил. Как и проклинать тот день, когда они меня нашли. Удивительно.

– Ива, – голос ласковый такой, вкрадчивый. Наверняка начнет упрашивать не отказываться от свалившегося на мою голову «счастья».

И точно, следующие десять минут мне пели дифирамбы. Оказывается, я и умненькая-разумненькая, и рассудительная. И, конечно же, не предам людей, приютивших меня, одевавших и кормивших все это время. Совесть не позволит.

Из его вдохновенной речи выходило, что мой долг перед всей труппой – пожертвовать собой и послужить развлечением для похотливого шантажиста. А то, что меня воротило от одного лишь вида высшего, Тауруша заботило мало.

– Мистер Торсли, он, в общем-то, неплохой, – напоследок, пытаясь подсластить горечь пилюли, что предстояло мне проглотить, заявил руководитель труппы. – Вон Истер частенько симпатичные безделушки дарит. То сережки, то

антикварный кинжал или духи какие притащит. А ты ему явно больше приглянулась. Думаю, и тебе завтра какая-нибудь красивая вещица перепадет. На память.

Подарок в память об издевательствах? Мило.

Я с опаской покосилась на шатер примы, где-то на подсознательном уровне ожидая, что вот сейчас оттуда послышится злобный рык гиены или шипение ядовитой змеи.

Заставив поклясться – благо не на крови, – что я не подведу и завтра вечером отправлюсь развлекать мага, Тауруш и мадам Леттис с чувством выполненного долга пошли спать. Я тоже не стала задерживаться, желая избежать задушевного разговора с актрисой.

В шатре мирно посапывала Эва. Поправив сползшее одеяло, я осторожно коснулась ее мягких кудряшек. Кому-кому, а этой малышке причинять боль мне не хотелось. Да и Хэймо не заслужил того, чтобы загреметь из-за меня в тюрьму.

* * *

Кажется, только-только сумела забыться, и вот уже кто-то будит, грубо тормоша за плечо.

– Вставай! – Истер стащила с меня одеяло и нетерпеливо дернула за руку, прошипев: – Ну же, шевелись!

Ежась от холода и кутаясь в шаль, я последовала за актрисой. Не хватало еще, чтобы она при Эве устроила очередной концерт.

Сырой стылый воздух прогнал остатки сна. В предрасветных сумерках вырисовывались далекие очертания города. Города, сейчас представлявшегося мне одной большой ловушкой. Стоит в ней оказаться, и о свободе, даже о той призрачной, что есть сейчас у меня, можно будет забыть.

– Только попробуй с ним переспать! – Сдержанности Истер хватило ненадолго, на первой же фразе голос ее сорвался на крик. Льдистые голубые глаза сейчас метали громы и молнии, и уверена, если бы взглядом можно было убить, я бы уже давно корчилась в предсмертной агонии. – Я не стану делить Квинтина с какой-то приبلудной девкой!

В такие моменты, как сейчас, я начинала мечтать о полицейской дубинке и о том, какое бы применение ей нашла, окажись она у меня в руках, в общении с примой.

– Тебя послушать, я сгораю от желания залезть к нему в койку.

– Ну значит, не лезь! – переходя на визг, капризно потребовала актриса.

По горящему взгляду и пунцовому румянцу, заливавшему ее щеки, стало ясно, что одной бутылкой портвейна Истер этой ночью не ограничилась.

– Твои предложения? Мне даже смотреть на твоего мага противно. Но другого выхода, кроме ареста, извини, я не вижу.

Странно, но после моих слов девушка сразу успокоилась. Даже расщедрилась на тусклую улыбку, едва обозначившу-

юся на тонких губах.

Устроившись за столиком, Истер принялась выдергивать из прически, на создание которой вчера ушло полвечера, заколки и складывать их в резную шкатулку. Проследив за движением ее руки, заметила возле шкатулки небольшой нож с золоченой витой рукоятью и тонким лезвием, украшенным цепочкой непонятных знаков.

– Если сделаешь все так, как скажу, и ты, и я останемся в выигрыше. Квинтин будет уверен, что попользовался тобой. А мне не придется делить с... – очередной брезгливый взгляд, брошенный в мою сторону, – рабыней своего мужчину.

Наверное, принимать совет от той, которая меня уже, кажется, люто ненавидела, не самое удачное решение проблемы. Но если имелся хотя бы маленький шанс избежать ночи с магом, я не могла его упустить.

– Говори, что нужно делать.

В зеркале, заключенном в ажурную, потускневшую от времени оправу, отразилась довольная улыбка актрисы.

– В общем, слушай...

Глава шестая

На следующий день Истер с утра пораньше отправилась в город навеститься к знакомому травнику. Я же тем временем решила поговорить с Хэймо. Надеюсь, он подскажет, как быть, и тогда от плана актрисы можно будет отказаться. Но нет. Маг только посочувствовал мне и, видимо, уловив что-то в моих эмоциях, посоветовал не глупить и делать все, что прикажет высший.

– Неприятно это, конечно, но не смертельно, – философски изрек Хэймо и принялся сосредоточенно набивать трубку табаком.

Желая меня подбодрить, попытался отыскать каплю меда в этой огромной бочке с дерьмом. Заявил, что такой девушке, как я, полезно иметь друзей среди полицейских. Мало ли, как дальше все обернется... Да и вообще, подумаешь! Несколько свиданий в год. Некоторые пришлые и не такое терпят. Так что мне грех жаловаться. Нужно просто пережить пару вечеров в компании констебля, а потом забыть о них, оставив все плохое в прошлом.

Не получив помощи от Хэймо, я была вынуждена вернуться к плану Истер. Который, в общем-то, был легко осуществим. По крайней мере, так утверждала актриса. От нее я узнала, что господин Торсли тоже большой любитель выпить. А значит, сегодня вечером не обойдется без бутылоч-

ки-другой. Мне оставалось только незаметно добавить в бокал мага приобретенное актрисой зелье. Какая-то смесь снотворного и легкого наркотика, провоцировавшего галлюцинации с эротическим уклоном. По словам Истер, высший быстро отключится и будет всю ночь видеть красочные сны, в которых он и я будем предаваться постельным утехам.

– Только пусть сначала попробует тебя, – завершила инструктаж Истер. – Твои эмоции. И только потом зелье.

– А если он и утром захочет повторения... – я запнулась, неспособная даже закончить фразу, не то что представить себя в одной постели с этим мерзким усатым ублюдком.

– Не захочет, – уверенно парировала актриса. – Наутро у Квинтина будет такое похмелье, что ему станет не до любви.

Надеюсь, это не какой-нибудь яд и маг моими стараниями не отправится к их темной троице на небеса, или, вернее, в ад, где ему самое место.

Покончив с наставлениями и сдобрив их угрозами из той же оперы: убью, разорву, уничтожу – в случае, если мне хватит наглости и безрассудства позариться на ее драгоценного Квинтина, – Истер отпустила меня готовиться к ночному randevu.

Пока переодевалась в одолженные актрисой фривольную блузку с умопомрачительным декольте, кожаный корсет и длинную юбку с бесстыдными, по здешним меркам, разрезами, Эва крутилась вокруг меня и все пыталась выпросить, для кого это я так наряжаюсь. Пришлось солгать, сказав, что

Гленн пригласил меня на прогулку. Именно он должен был выступить в роли конвоира и передать меня магу из рук в руки.

Спрятав пузырек с волшебным снадобьем в неприметный кармашек на юбке, я в последний раз взглянула на себя в зеркало. Сейчас в нем отражалась худая девчонка с осунувшимся бледным лицом и глазами перепуганной лани.

Не понимаю, чем я заинтересовала высшего. По сравнению с фигуристой Истер, обладавшей яркой, выразительной внешностью, я казалась бледной молью. Понравился мой запах? Ну так бы и пил себе на здоровье мои эмоции! Я разве против? Зачем еще при этом тащить меня в койку?!

До боли закусил губу, пытаюсь заглушить начавшее зарождаться в душе отчаянье. Сейчас важно быть собранной и спокойной, чтобы не совершить ошибок. И чтобы маг ничего не заподозрил. Сделаю все правильно и, как говорит Хэймо, буду вспоминать о знакомстве с полицейским, как о жутком сне.

Простом обычном кошмаре.

А потом придумаю, как быть дальше. И сделаю все возможное, чтобы наши с высшим пути больше никогда не пересеклись.

* * *

Вечером в условленное время я стояла перед входом в

небольшую таверну, которая даже на мой непритязательный вкус не заслуживала ни одной, хоть бы самой малюсенькой, звездочки. Тратиться на комнату в более-менее приличном месте маг поспешил, а устроить интимное свидание у себя дома наверняка не позволяла имевшаяся в наличии жена. Или невеста, или официальная фаворитка. Уже успела понять, что высшие не являлись поклонниками моногамии, и мистер Торсли был классическим представителем своей гнилой породы.

Простившись с Гленном, подарившим мне напоследок сочувствующую улыбку и слова ободрения, которые я даже не расслышала, поплотнее закуталась в шаль. Пожелала себе удачи и переступила порог питейного заведения.

В просторном помещении полыхали жаром каминные, на грубо сколоченных массивных столах тлели огарки оплавленных свечей, тускло поблескивали керосиновые лампы. Одну такую с закопченным стеклом, почти не излучавшую света, подхватила с каминной полки служанка, к которой я обратилась с вопросом: где могу найти господина Торсли. Велев следовать за ней, женщина направилась к лестнице.

Я старалась не смотреть по сторонам и молила бога, чтобы среди захмелевших посетителей таверны не оказалось еще какого-нибудь высшего. По настоянию констебля зелье я не пила, и теперь каждый маг в радиусе нескольких метров мог учуять мои эмоции.

Я слышала собственные шаги: громкие, оглушительные.

Стук сердца, уже готового выпрыгнуть из груди. Влажными ладонями нервно мяла грубую ткань юбки, кусала до крови губы, мечтая отсрочить роковой момент.

Очень хотелось убежать, спрятаться. Где угодно. В таком месте, в котором этот человек никогда бы меня не нашел. Не смог бы ко мне прикоснуться. Не говорил бы со мной, и мне бы не пришлось слышать его тошнотворный голос. Видеть самодовольную улыбку, при одном воспоминании о которой тело охватывала ледяная дрожь.

Очевидно, маг почувствовал мое приближение, потому как сам распахнул дверь, прежде чем служанка успела в нее постучаться.

И вот я вижу, как его губы растягиваются в той самой улыбке, слышу грудной низкий голос, приказывающий принести еще одну бутылку верильского. А лучше сразу две, чтобы потом по сто раз к нам не бегать и не отвлекать от приятного времяпровождения.

Говоря все это, высший смотрел на меня и не переставал скалиться, в то время как я почувствовала новый приступ дурноты.

Сейчас я была перед ним как раскрытая книга. Служанка бесшумно удалилась, а я продолжала стоять на пороге, не в силах пошевелиться, тщетно пытаюсь заглушить в себе чувства страха и гадливости.

Улыбка сползла с лица полицейского, он нахмурился.

– Проходи. Закрой за собой дверь, – приказал резко. В

два шага пересек маленькую комнатку и, плеснув в бокал немного вина, вернулся ко мне. – Тебе нужно расслабиться, – дал он установку, после чего требовательно припечатал: – Пей. Не хочу, чтобы ты испытывала ко мне один лишь страх.

Как будто несколько капель алкоголя могли изменить мое к нему отношение. Боюсь, высшего, как и Хэймо, сегодня ждет облом в виде «невкусных» эмоций.

Вино оказалось теплым и ароматным. Приторно-сладким на вкус, словно в него добавили гречишного меда. А еще крепким, потому как после первого же глотка голова закружилась. Я пошатнулась и, если бы не маг, подхвативший меня, наверное, не удержалась бы на ногах.

Комната перед глазами начала расплываться.

Еще один вынужденный глоток, и бокал выпал из ослабевших пальцев, разлетевшись по полу тусклым крошечком, но полицейский даже не обратил на это внимания.

– Я не монстр, Ива. И не люблю, когда меня боятся, – пригнув к себе, принялся он шептать мне на ухо. – Сейчас страх уйдет. И неприязнь тоже. Ну, скажи, разве я настолько ужасен? Омерзителен? Поверь, я не сделаю тебе больно. Только не такой куколке, как ты.

Горячие влажные губы скользнули по щеке, отыскивали мои и принялись терзать их поцелуем. Судорожно сглотнув, попробовала отстраниться, попросить его не спешить, но не смогла произнести ни звука. Сейчас некая сила управляла

мною, словно марионеткой.

Дрожащими пальцами нащупала пузырек, сжала его, убеждая себя успокоиться, не паниковать и... к своему ужасу почувствовала, как высший накрыл мою руку.

Перестав кусать и облизывать мои губы, он неожиданно отстранился и в голос захохотал. Наверное, в тот момент алкоголь окончательно затуманил мне разум. Вдруг почудилось, будто зеленые глаза мага окрасились золотом. В них полыхнуло пламя, дикое и безумное, словно передо мной был и не человек вовсе, а само исчадие тьмы. Попытка отпрянуть ничего не дала. Перехватив за запястье, полицейский снова привлек меня к себе, достал из кармана зелье.

К тому моменту я уже была ни жива ни мертва. Ужас сковал тело, проклятое вино путало слова и мысли. Я погружалась в вязкое марево; голос полицейского, его смех из пронзительно-громкого постепенно становились далекими, неясными.

– Я что-то такое и предполагал. У Истер всегда было туго с фантазией. И в постели, кстати, тоже. А ты, глупенькая, понадеялась, что так легко сможешь провести высшего. Наивная куколка.

Меня все больше засасывало в трясины беспамьятства. Я чувствовала каждое его прикосновение, каждый поцелуй, каленым железом обжигавший кожу. И вместе с тем не могла сопротивляться.

Как будто меня действительно превратили в куклу.

Не помню, приходила ли с заказом служанка, не помню, как он меня раздевал, какие слова шептал. В какой-то момент все смешалось: ощущения, запахи, звуки. Я перестала что-либо чувствовать, понимать. Маг выпивал мои эмоции, а во мне билась одна единственная мысль, такая простая и четкая: чтобы он не останавливался, опустошил до конца.

И тогда все закончится. Я наконец-то смогу вырваться из плена этого мира.

* * *

Истер ненавидела ждать, не умела быть терпеливой. Да и как тут сохранить невозмутимость, когда всего в нескольких метрах от тебя твой мужчина, возможно, трахает твою же рабыню.

Актриса уже давно привыкла считать Иву своей собственностью. Так же, как и Квинтина. Она была не против делить мага с его женой, с другими женщинами – разумеется, только в ее отсутствие. Но уж точно не с какой-то приبلудной девкой. Забитой мышкой, на которую и смотреть тошно. Не то что ею пользоваться.

Эмоции! Истер не хотела признаваться даже самой себе, что завидовала девчонке. Ведь у той было то, чего не могла дать магу актриса без вреда для самой себя. Это делало таких, как Ива, особенными, желанными. И Квинтин не сумел устоять перед соблазном.

За это Истер ненавидела его даже больше, чем проклятую пришлюю. Джин не успокаивал, наоборот, еще больше распалял воображение, разжигал кровь. Девушка нервничала, злилась и все косилась на лестницу, борясь с искушением подняться наверх.

В этот час в таверне было полно народу, и ее исчезновения из душного зала никто бы и не заметил. А она... она только глянет одним глазком. Убедится, что Квинтин спит, а девочка послушно бдит около его постели. Все, как и договаривались. В противном случае... Актриса сделала еще один глоток, поморщилась и, поднявшись, решительно направилась к лестнице.

В противном случае высший заплатит за то, что пренебрег ею. Предпочел ей какую-то жалкую куклу! Этого она никогда ему не простит.

И никогда не забудет.

* * *

Из зыбкого сна меня вырвало ощущение холода. Непослушное тело, будто и не мое вовсе, покрывали мурашки, тысячами острых иголочек больно впиваясь в кожу – снова и снова, – отчего захотелось повыше натянуть одеяло, закутаться в него, точно в кокон, и замереть.

Сейчас единственным моим желанием было согреться. На все остальное было уже наплевать.

Даже на то, что я обнаженная лежу в чужой постели, рядом с ненавистным мне чужаком.

Хотя нет, уже и не ненавистным. Просто обычным незнакомцем, к которому я больше не испытывала ничего. Ни страха, ни отвращения... Все прошло.

Похоже, этой ночью маг оторвался по полной. Благодаря ему теперь мной владело состояние апатии, абсолютного ко всему безразличия.

Но так даже лучше. Надеюсь, что такой я останусь надолго.

Сев на постели, зажмурилась, стараясь унять возникшую перед глазами круговерть. Мысленно, с какой-то отрешенностью, спросила саму себя, что же за пойло подсунул мне высший. Двух глотков его оказалось достаточно, чтобы мое собственное тело стало мне неподвластно.

Сложно сказать, сколько времени прошло с момента нашей встречи. Все вокруг было затянуто непроницаемой пеленой, поэтому определить, ночь еще или рассвет, не представлялось возможным. Злосчастная дымка то чуть рассеивалась, позволяя уловить в полумраке угловатые очертания мебели, то снова густела, и тогда я начинала ощущать себя слепым котенком, жалким и таким беспомощным.

Упершись ладонями в кровать, попробовала подняться, краем сознания отмечая, что простыня под рукой почему-то влажная. Узнать, почему именно, желания не возникло. В следующий миг мысль эта растворилась среди других таких

же бессвязных, заполнивших мое затуманенное сознание.

Стараясь не смотреть на спавшего сном праведника мага, стала озираться по сторонам в поисках одежды, тщетно пытаясь вспомнить, где же с меня ее сняли.

Вот впереди блеснули осколки разбившегося бокала, на которые я едва не наступила. Помню, что стояла здесь вместе с проклятым высшим. А потом... Будто кто-то разорвал мои воспоминания на клочки и намеренно их смешал. Из-за чего боль в висках при попытке восстановить последние события стала еще острее.

Несколько шагов, и на растрескавшихся половицах, словно из ниоткуда, возникла светлая лужица, которая при более детальном осмотре оказалась моим бельем. Умирая от холода, кое-как натянула на себя сорочку, чулки и панталоны.

Согреться никак не получалось, меня по-прежнему трясло.

Зажмурилась, тщетно пытаясь прогнать застилавшее все вокруг марево, и снова скользнула взглядом по полу, надеясь обнаружить оставшиеся предметы своего нехитрого туалета. В глаза бросился кинжал с такой знакомой витой рукоятью, валявшийся у самой кровати. Следующее, что заметила, – это безжизненно свесившуюся руку высшего. Длинные, как у пианиста, пальцы почти касались пола. А сам полицейский... вроде бы и не спал вовсе. Остекленевшим взглядом он пялился в потолок.

Приблизилась к кровати, сама не зная зачем, подняла с

пола кинжал, при этом продолжая неотрывно смотреть на высшего. Почему-то подумалось, что с этой гримасой, искажившей лицо, он выглядит еще более отвратительно. И наверное, не будь я сейчас так слаба, уже успела бы испугаться. Или изумиться, обнаружив, что вся постель с его стороны залита кровью. Закричала бы несомненно, осознав, что еще несколько минут назад спала под боком у трупа. И бросилась бы прочь, понеслась сломя голову. А может, позвала бы на помощь...

Но ничего этого я сделать сейчас была не в силах. Да и не успела бы, потому как дверь в комнату вдруг распахнулась. Жалобно взвыли петли. А следом за ними и я.

Глаза ослепило снопом света, вырвавшегося из ладони неизвестного. Кажется, метил он в меня. И не промахнулся, в один миг превратив меня из замерзшей ледышки в пылающий костер.

Ощущение, что стораю заживо, стало последним, что испытала, прежде чем провалиться в спасительное небытие.

Глава седьмая

– Мне бесконечно жаль, ваше сиятельство, что вы проделали такой долгий путь, и все зря, – говорил начальник полиции, исподволь поглядывая на молодого дознавателя, прибывшего к ним из самой столицы.

Высший, казалось, его даже не замечал. Сцепив за спиной пальцы, с задумчивым видом прохаживался по кабинету и не торопился поддерживать разговор. Пару раз останавливался у растопленного камина, протягивал к пламени руки и смотрел, как оно оживляет бледные кисти, на пальце одной из которых красовался фамильный перстень-печатка с изображением герба его семьи. Потом, заведя руки за спину, все с тем же угрюмым видом снова принимался мерить комнату шагами.

Подражатель... Бастиан на миг зажмурился, тщетно пытаясь упорядочить мысли и заранее готовясь к тому, что придется давать отчет по возвращении в Морияр.

Ее величество явно не обрадуется появлению еще одного больного ублюдка, уничтожающего пришлых.

Мало им психопата, на чьем счету уже несколько убийств, цель которых до сих пор оставалась неясной. А теперь еще и имитатор, пытавшийся выдать себя за неуловимого убийцу, однако допустивший неприметные на первый взгляд, но очевидные Бастиану ошибки.

Последние месяцы столица и окрестные города наполнились слухами о таинственном фантоме, отнимавшем жизни у молодых девушек. Каждая – иномирянка. Рабыни из борделей, работницы столичных фабрик по производству артефактов и даже фаворитка двоюродного брата королевы, похищенная прямо из-под носа герцогской стражи. Убийство последней и спровоцированное им нытье кузена, лишившегося любимой игрушки, подтолкнуло ее величество к решительным действиям. То есть начать расследование, которое доверили Бастиану Мару.

Еще полгода назад он был скромным младшим инспектором, подотчетным комиссару полиции, одним из сотен. Да таковым, наверное, и остался бы, не уговори его Мими принять участие в ежегодном отборе.

Молодой полицейский не надеялся на победу, а в результате оказался одним из трех счастливицов, удостоившихся чести служить самой королеве, держать ответ только перед ней одной и слушаться исключительно ее приказов. Как полагал сам Бастиан, не последнюю роль в его победе сыграло положение семейства Маров и благосклонное отношение к ним правительницы Верилии.

И теперь он изо всех сил старался доказать всем, и в первую очередь самому себе, что достоин оказанных ему чести и доверия. Но, вместо того чтобы в короткие сроки схватить убийцу, погряз в бесконечном поиске ответов. Иногда Бастиану казалось, что он гоняется за призраком и пытается

поймать воздух.

– Держите меня в курсе расследования, – очнувшись от своих невеселых размышлений, напоследок велел Мар. Задерживаться в провинциальном городке и заниматься отловом неумелого имитатора он не планировал. Хватит с него и одного маньяка-убийцы.

Тем более, ее величество наверняка велит сосредоточиться на столичном душегубе, а ловлю подражателя из провинции доверить служащим здешней полиции.

«Ну точно – мальчик на побегушках», – мрачно подумал про себя маг, а вслух добавил:

– И если что-то подобное повторится, сразу дайте мне знать.

– Непременно, ваше сиятельство, – заверил высшего капитан. Поднялся с поспешностью, чтобы проводить гостя, почтительно распахнул перед ним двери и первым пропустил в коридор.

Утро выдалось пасмурным, промозглым. Солнце не спешило показываться из-за туч, чтобы хотя бы немного скрасить мрачную атмосферу штаб-квартиры полиции. Узкое помещение утопало в полумраке. Из щелей неумолимо тянуло сыростью и холодом, и Бастиану не терпелось покинуть это место, как можно скорее отправиться домой.

Всего несколько часов, и он снова услышит голос его обожаемой Эмилии. Обнимет жену, прижмет к себе крепко, ощутит знакомый лавандовый запах ее шелковистых волос,

коснется поцелуем нежных губ и хотя бы на какое-то время позабудет о грузе ответственности, на протяжении долгих месяцев довлевшем над ним.

– Ну же, живей! Ходить разучилась, что ли?!

Услышав грубый окрик, маг вскинул голову и замер на месте. Навстречу ему, сопровождаемая дородным констеблем, бесшумно, словно и не касаясь пола, шла хрупкая девушка. Еще более худенькая, чем в их первую встречу, почти прозрачная, с потухшим, абсолютно пустым взглядом. От нежной красавицы, какой запомнилась ему незнакомка, не осталось и следа.

Но это, несомненно, была она. Бастиан никогда не жаловался на память, а уж рабыню, которая могла стать его и от которой он отказался, ни за что бы не забыл.

Хотя и очень старался. Однако стереть образ пришедшей из памяти почему-то не получалось. Несколько раз он даже пырился нанести визит вежливости трапперу, расспросить мистера Перегринна о незнакомке, удостовериться, что она благополучно устроилась, обрела хорошего хозяина.

Узнать, как ее зовут...

Он ведь даже не спросил тогда ее имени.

А теперь эта девушка, так часто проникавшая в его мысли, поселившаяся в его снах, – здесь, перед ним. Живая, из плоти и крови.

Хотя насчет живой можно было бы и поспорить. Казалось, последние крупницы силы вот-вот оставят ее и она не сумеет

больше сделать ни шага. Упадёт. Или растает, как мираж, растворится в воздухе.

И тем не менее незнакомка продолжала двигаться вперед, подталкиваемая стражником, по-видимому, даже не замечая ни грубой брани констебля, ни резких тычков в бок. А поравнявшись с Бастианом, на миг подняла на него взгляд. Он помнил, как тогда, четыре месяца назад, в голубых глазах стояли непролитые слезы, читался страх, горела искра жизни. Сейчас же в них не отражалось ничего. Словно пришедшая уже и не жила больше.

Невольно молодой человек напрягся, ожидая ее реакции. Опасался и вместе с тем надеялся, что она узнает его.

Но этого не произошло. Понукаемая полицейским, девушка опустила голову и двинулась дальше, с трудом перебирая ногами.

Бастиан проводил ее взглядом, а потом обратился к капитану, о присутствии которого снова успел позабыть:

– Что она натворила?

– Зарезала одного из наших. Дрянь, – вмиг помрачнев, процедил мужчина и с горечью добавил: – Хороший был парень... Лучше б этот ваш маньяк таких вот тварей убивал. Сделал бы всем одолжение, – поделился мнением офицер. А вспомнив, что собирался проводить высшего до ворот, сменил тему: – Пойдемте, ваше сиятельство. Иначе опоздаете. Дирижабль отбывает через полчаса. Как вы и просили, билет уже куплен. Первый класс.

Мар продолжал вглядываться вдаль, надеясь в полумраке коридора разглядеть незнакомку, с которой его вновь свела судьба, и понимал, что просто уйти он сейчас не сможет.

– Я хочу ее допросить. – Не дожидаясь ответа, толкнул плечом дверь кабинета и распорядился: – Велите привести сюда пришлую.

Полицейский не осмелился перечить и поспешил исполнить приказ. На столе капитана, придавленный мраморным пресс-папье, обнаружился краткий отчет с места преступления.

Три ножевых ранения... Мар нахмурился. Сомнительно, что их нанесла девушка, которая и на ногах-то еле держится. Причину ее слабости Бастиану тоже не терпелось выяснить. И еще понять, почему он не почувствовал ни малейшего всплеска эмоций.

Не прошло и нескольких минут, как в коридоре снова слышались шаги и низкий голос великана-констебля. Ему вторил начальственный бас, в котором отчетливо угадывались нотки гнева. Глава полиции снова ругал арестантку и просвещал по поводу того, что ждет ее после короткого, проведенного абы как разбирательства.

А вести тщательное расследование никто не станет. Все силы брошены на поиски психопата, которого необходимо найти и изловить в кратчайшие сроки. Иначе комиссар Морьяра с них три шкуры сдерет.

Наконец дверь распахнулась, явив дознавателю парочку

хмурых полицейских и бледную, словно привидение, пришлюю.

– Оставьте нас. – Бастиан поднялся и бросил на полисменов нетерпеливый взгляд, красноречивее любых слов говоривший, что он хочет, чтобы они поскорее выметались из кабинета.

Начальник покорно кивнул.

– Надеюсь, вам, ваше сиятельство, повезет больше. Девка эта молчит, словно язык проглотила. Хотя он, мы проверяли, на месте. Пока еще, – намеренно громко припечатал командир и, стрельнув в арестованную злым взглядом, вместе со своим подчиненным вышел в коридор.

На какое-то время в комнате повисло молчание. Слышен был лишь далекий рокот надвигающейся грозы да резкие порывы ветра обрушивались на здание всей своей мощью, заставляя дребезжать стекла. Бастиан смотрел на девушку, не зная, как к ней подступить. Несомненно, она напугана. Хоть и не так сильно, как следовало бы. Сейчас он ощущал исходившие от нее флюиды страха. Едва уловимые, будто пришлюю не особо заботило ее будущее.

Даже угрозы начальника полиции, казалось, не коснулись ее сознания.

– Расскажи, что произошло. Как ты оказалась с этим, – мельком глянул на отчет и закончил: – Квинтином Торсли?

Незнакомка никак не отреагировала на его вопрос. Как стояла с безвольно опущенными руками, поникшей голо-

вой, ничего не выражающим взглядом, так и осталась стоять. Словно марионетка, у которой подрезали нити.

Приблизившись, маг взял девушку за руку и ощутил холод ее пальцев. Невольно поморщился, только сейчас обратив внимание, насколько вульгарно она одета. Такой наряд подошел бы какой-нибудь дешевой шлюхе, но никак не чистому, нежному созданию, каким запомнилась ему иномирная.

Подведя девушку к камину, он усадил ее в кресло, поворошил щипцами угли, и угасшее было пламя вновь ожило, распусившись ярким цветком.

– Ты должна мне все рассказать, – принялся терпеливо увещевать ее высший. – В противном случае я не смогу тебе помочь.

В глазах девушки впервые мелькнуло что-то, хотя бы отдаленно напоминающее эмоцию. То ли недоумение, то ли интерес.

– Зачем господину помогать безымянной рабыне? Той, которую все считают убийцей.

– Это ты убила его?

– Нет, – бесцветным голосом ответила она.

Бастиану очень хотелось ей верить. Понять, искренна с ним девушка или нет, разобраться, что же произошло между нею и полицейским.

Но она не спешила исповедоваться, клясться в собственной невинности. Снова замкнулась в себе, опустила взгляд

на сложенные на коленях руки и замерла.

– Хочешь отсюда выбраться? – Мар сделал себе пометку в памяти: по возвращении в Морияр первым делом навестить господина Перегрину и потолковать с ним о пришлой.

Дознаватель ожидал какого угодно ответа, но уж точно не безучастного: «Мне все равно». Только одинокая слезинка сползла по бледной девичьей щеке, оставляя на коже влажный след.

Апатичное поведение пришлой, практически полное отсутствие у нее эмоций подтвердили догадку Бастиана. Она и сама этой ночью могла распрощаться с жизнью, если бы высший, пивший ее чувства, в последний момент не остановился.

Опустившись рядом, маг заключил ее холодные руки в свои. Как ни странно, девушка не отстранилась. Только задрожала еще сильнее. Даже находясь в жарко натопленной комнате, она никак не могла согреться.

– Сейчас тебе, возможно, и безразлична твоя судьба. Но скоро ты выйдешь из этого состояния и тогда снова захочешь жить. Не отказывайся от моей помощи. Здесь я единственный, кто верит в твою невиновность. Соберись с силами и расскажи все подробно. Как оказалась в городе, где познакомилась с Торсли. Почему эту ночь, – высший поморщился, словно у него вдруг разболелись все зубы разом, – провела с ним. Я ведь думал, ты станешь фавориткой какого-нибудь влиятельного господина, а не... – он осекся, запоздало осо-

знав, что чуть не сказал лишнего.

К счастью, девушка не обратила внимания на его слова и, очевидно, совсем его не помнила. Наверняка траппер подретушировал ее воспоминания перед тем, как подыскать ей хозяина. Вот только как она из рабыни, которую должны были холить и лелеять, превратилась в обительницу самого дна – это высшему было непонятно.

– Фавориткой? – горько усмехнулась иномирянка и посмотрела на мага своими большими чистыми глазами. Бастиану было сложно себе представить, что эти глаза могут принадлежать убийце. Скорее, ангелу, измученному, отчаявшемуся обрести свое место в чуждом ему мире. – По-видимому, я показалась недостаточно привлекательной тому высшему, ради которого меня похитили. И он просто взял и вышвырнул меня на улицу. – Бледные кисти, оттененные узором вен, сжались в кулаки – так, что побелели костяшки пальцев, и Бастиан уловил горьковатый аромат ненависти. Правда, чувство это тут же растворилось в плотном мареве безразличия.

Кто бы мог подумать, что скряга Перегрин так поступит со столь ценным товаром. Нет, это что-то из разряда фантастики. Да и хозяин, которого наверняка подыскал ей траппер, не стал бы безвозмездно отказываться от своего приобретения. Всегда ведь можно отправить негодную рабыню на торги и выручить хотя бы часть потраченной суммы.

Но чтобы взять и просто выбросить...

– Послушай, у меня нет времени разгадывать твои загадки. Что с тобой произошло? – чувствуя, как теряет остатки самообладания, резче, чем ему хотелось бы, спросил Мар. Высшему не терпелось выяснить, где и с кем находилась незнакомка с тех пор, как оказалась в Эльмандине. Пока он млеял в лучах славы и наслаждался семейной жизнью.

Сам того не желая, Бастиан чувствовал себя ответственным за судьбу девушки. Хоть и не при его участии она была выдернута из родного мира, но выбирали ее для него, а значит, в том, что сейчас с ней происходило, была и его вина.

Постепенно тепло окутало бедняжку, она немного расслабилась, на щеках появилось некое подобие румянца. Перестав дрожать, девушка откинулась на спинку кресла и тихонько вздохнула, погружаясь в воспоминания.

Поймав себя на том, что до сих пор держит ее за руки, Мар перебрался в соседнее кресло и принялся терпеливо ждать, когда же пришедшая отважится на исповедь.

Наконец, вскинув на него взгляд, в котором все еще читалось равнодушие, иномирянка заговорила. Возможно, не рассказывая она все с таким безразличием, эта история не задела бы его так сильно.

– ...А узнав, что я не принадлежу мистеру Таурушу и у него нет на меня прав, высший, вместо того чтобы арестовать, решил мной попользоваться. Мне пришлось согласиться, иначе бы пострадала не только я, но и Эва, Хэймо... Должно быть, в вино, что дал мне при встрече полицейский,

было что-то подмешано. Я быстро отключилась, а когда очнулась – мистер Торсли уже был мертв. Не думаю, что это я его убила. Я и шевелиться-то с трудом могла. Хотя признаюсь, чего-то подобного, когда шла к нему, мне очень хотелось... – завершила она тусклым голосом и умолкла, устремив взгляд на золотые искры, с веселым задором устремляющиеся в дымоход.

Чего-то подобного хотелось и Бастиану. Отправиться в морг, воскресить полицейского, а потом снова его прикончить. И так несколько раз.

– Эта Истер... она могла убить?

Продолжая гипнотизировать взглядом желтые лепестки пламени, девушка проговорила:

– Кажется, она любила его... Вам лучше спросить об этом у нее самой. – Грустно усмехнувшись, добавила: – Если, конечно, будет проводиться расследование.

– Будет. И с Истер, обещаю, я поговорю лично. А ты... – Маг замаялся, не зная, как ее подбодрить. Хоть немного вернуть к жизни.

Обнадеживать, уверять, что все закончится хорошо, он не имел права. Еще неизвестно, удастся ли воплотить в жизнь его самонадеянный план. Ведь даже он, Бастиан Мар, не всемогущ.

Поэтому, поднявшись, просто сказал:

– А ты пока набирайся сил. Они тебе еще пригодятся.

Кивнув на прощание, направился к выходу, чтобы позвать

стражника.

– Я даже не знаю вашего имени, – окликнула его незнакомка.

– Бастиан, – поколебавшись, ответил маг и чуть слышно проронил: – Ты тоже себя не назвала.

Девушка грустно улыбнулась:

– А мое имя теперь любой может прочесть у меня на плече. Хотя это и не имя даже, а набор каких-то закорючек. Мне без зеркала толком и не рассмотреть.

Пытается шутить? Уже неплохо. Значит, скоро отойдет. И вот тогда ей действительно станет страшно. Лучше бы, чтобы к тому времени он успел все подготовить и вернулся к ней. Главное сейчас – вывести ее из-под удара. А для этого следовало поторопиться. Капитан с наказанием тянуть не станет, а тратить время на поиски ревнивой актрисульки и допрос членов труппы – тем более.

Да и, скорее всего, их уже давно и след простыл.

А значит, он единственный, кто еще остался у нее в этом мире и кто может хотя бы попытаться ее спасти.

* * *

Разговор с капитаном полиции обещал быть сложным. Бастиан опасался, что, хотя местное начальство перед ним и раболепствует, просьбу его все равно могут не удовлетворить. Просто-напросто ему не поверят. Он бы и сам себе не пове-

рил, настолько бредово звучали его объяснения. Но времени на то, чтобы придумывать более достойный предлог для побега, увы, не было.

Одно хорошо – у капитана не имелось даже зачатков силы. Впрочем, ума, как вскоре убедился Мар, пожилому полицейскому тоже явно не доставало. Будь на его месте кто-нибудь посмекалистей, наверняка бы поинтересовался, при помощи каких таких чар его сиятельство вот так сходу определил, что арестованная связана с убийцей пришлых, а потому должна быть в срочном порядке доставлена в Морияр для дальнейшего разбирательства.

– Но как же так?! – расстроено воскликнул капитан полиции. Осознав, что расправа над девчонкой, которую с удовольствием придушил бы собственными руками, отменяется, в сердцах стукнул кулаком по столу и поднялся. – Она должна быть наказана!

Бастиан чувствовал, как внутри нарастает и концентрируется раздражение. Олух-полицейский даже не допускал мысли, что девушка может быть невиновной. Однако объяснять ему, что пришедшая при всем желании этой ночью была неспособна на убийство, – только зря тратить время. Все равно не станет слушать. И как знать, вдруг на него внезапно снизойдет озарение, попросит пригласить для магической экспертизы другого высшего или потребует письменного приказа от комиссара на перевод заключенной.

А приказа этого Бастиану никак не получить.

Насилу себя сдержав, маг сдержанно проговорил:

– Уверяю вас, девушка понесет наказание за все содеянное. Однако не раньше, чем поможет расследованию.

Не сразу, но капитан согласился отпустить пришлую. Оставалось надеяться, что за то время, пока Бастиан будет воплощать в жизнь свою задумку, полицейский не передумает.

Ни на что особо не рассчитывая, маг все же отправился за город поговорить с комедиантами, но, как и предполагал, те дожидаться встречи с полицией не стали. Узнав, куда загремел их найденыш, благоразумно предпочли смыться.

Пришлось Мару возвращаться ни с чем и добрый час трястись по разбитым дорогам в стареньком кэбе, который со скоростью издыхающей черепахи тащился по невзрачным улочкам. Ни о паромобилях, ни о телепортах, позволявших за считанные секунды переместиться из одного уголка города в другой, здесь еще даже не слышали.

Глядя в окно, исполосованное дождем, высший отрешенно рассматривал серые, однообразные здания, тянувшиеся нескончаемой вереницей, и ежился от холода. Весна, вроде бы уже перехватившая бразды правления у затянувшейся зимы, снова вдруг отступила. За одну короткую ночь погода резко ухудшилась. Словно подстраивалась под его настроенье.

Единственная имевшаяся в городе аптека располагалась в самом центре и отличалась от других соседствовавших с

ней лавок новенькой вывеской с ярким аптечным гербом – змеей, обвившей реторту.

Велев кучеру дожидаться его возвращения, Бастиан выскочил из экипажа и поспешил ко входу, но даже нескольких секунд под дождем оказалось достаточно, чтобы вымокнуть насквозь.

В торговом зале не было ни души. Маг внимательно осмотрелся, прошелся взглядом по полкам, на которых под стеклом хранились банки с аптечным сырьем, разномастные альбарелло, графины и пузырьки с уже готовыми лекарствами и зельями.

Подойдя к прилавку, позвонил в колокольчик и услышал торопливые шаги, а спустя секунду перед ним предстал хозяин лавки – пожилой мужчина в темном костюме и повязанном поверх него белоснежном фартуке.

Высший уже и не надеялся найти в этом городе хоть одно приличное место. Ни комната на постоялом дворе, ни заведение, гордо именующее себя рестораном, в котором он имел несчастье позавтракать, ни штаб-квартира полиции надежд не оправдали. Зато аптечный зал сиял чистотой и радовал взор идеальным порядком. А богатый ассортимент вселял надежду, что здесь Мар найдет все необходимое.

Хозяин аптеки почтительно поприветствовал дознавателя и предложил ему свои услуги.

– Меня интересует настойка келлады. И андромела. Желательно не старше трех лет.

Пожилой аптекарь не сумел скрыть удивления, но сказать ничего не сказал. Нечасто к нему обращались за тем, чтобы купить самое ядовитое существо из всех, что когда-либо водились в природе. Право на покупку андромелы имели только высшие. Да и то не всякий маг мог позволить себе потратить на нее целое состояние. Тем более рискнуть ею воспользоваться.

– Вы ведь понимаете, андромела может быть очень опасна, – исподлобья глянув на покупателя, на всякий случай предупредил провизор. – Настойка келлады не всегда оправдывает возлагаемые на нее ожидания. Возможен и летальный исход.

– Благодарю за предупреждение, но я знаю, что делаю, – вежливо ответил Мар и, пока хозяин аптеки искал противоядие, при этом что-то неразборчиво бормоча себе под нос, выписал ему чек.

Настойка обнаружилась на самой верхней полке – лиловая жидкость с мутноватым осадком на дне. Бережно стерев с пузырька пыль, аптекарь снова стрельнул в покупателя подозрительным взглядом и удалился, чтобы спустя несколько минут вернуться вновь.

В руках у старика было то, что могло подарить пришедшей новую жизнь.

Или же навсегда ее уничтожить.

Глава восьмая

Не знаю, сколько времени прошло после разговора с полицейским. Несколько минут, час. Или, быть может, целая вечность... Казалось, я навсегда утратила связь с реальностью. Сидела в затхлой, холодной клетушке, словно в вакууме. Глаза по-прежнему заволакивала мутноватая дымка, не слышно было ни звука, ни даже малейшего шороха.

Думать не хотелось. О чем-то переживать, страшиться грядущего тоже. Я чувствовала себя хрупкой статуэткой, разлетевшейся на множество осколков, которые уже невозможно было собрать и склеить.

Даже тот молодой дознаватель, почему-то проявивший интерес к моей судьбе, едва ли мог изменить ее к лучшему. Ну что он сделает? Действительно станет искать убийцу? Ради меня?! Вряд ли... Возможно, ради торжества справедливости. Ведь сейчас на моем месте должна находиться Истер. Сомнительно только, что актриса станет дожидаться появления полиции. Поди, ее уже давно и след простыл.

Я была не прочь прятаться в скорлупе апатии хоть до Второго пришествия. Уж лучше так, чем изнемогать от ужаса. Но и состояние безразличия, единственное, что помогало не сойти с ума в этом безумном кошмаре, постепенно сходило на нет. В душу незаметно прокрался страх и вновь принялся терзать меня, создавая в сознании жуткие картины расправы

над несчастной пришлой.

Как ни странно, вместе со страхом вернулось и желание жить. Сейчас я готова была ухватиться за соломинку, лишь бы продлить свое никчемное существование. Зачем – и сама не знала. Но заканчивать вот так, на какой-нибудь плахе или виселице, с клеймом убийцы, совершенно не хотелось.

Больше всего на свете боялась услышать, как заскрежешет засов и за мной придут, чтобы проводить к месту казни.

И когда снаружи действительно раздался звук отпираемой двери и послышались голоса, я встрепенулась, сжалась в комок, мечтая раствориться в замшелой кладке, трусливо зажмурилась. А распахнув глаза, увидела все того же громилу-полицейского. Сердце екнуло и рухнуло куда-то вниз. Чтобы в следующий момент взволнованно забиться – потеснив полицейского, в камеру вошел Бастиан.

Бастиан... Не знаю, сколько раз мысленно, а может, вслух повторила я это имя. Словно молитву Всевышнему. Где-то глубоко внутри еще теплилась надежда, что этому мужчине удастся вытащить меня из кромешного ада, в котором я пребывала.

А может... Вдруг он как раз и явился, чтобы зачитать приговор и отправить меня в мой последний путь?

Воображение, точно подхлестнутое, принялось рисовать еще более ужасные картины будущего. Тело оцепенело, и, когда прозвучал властный приказ: «Следуй за мной!», я не смогла сдвинуться с места.

Оглянувшись на застывшего в дверях констебля, Бастиан подошел ко мне, протянул руку и... едва заметно улыбнулся.

Улыбка осветила его бледное, усталое лицо лишь на мгновение, но мне и этого оказалось достаточно, чтобы воспрянуть духом.

Хотя, кто его знает, может, он всем смертникам улыбается. Из желания подбодрить.

Громко сглотнув, отважилась на вопрос:

– Куда господин хочет меня отвести?

Ну вот, я здесь какие-то четыре месяца, а уже думаю и разговариваю, как самая настоящая жительница Верилии. Ассимиляция идет полным ходом. Еще годик, и перестану быть пришлой.

Конечно, если случится чудо и у меня появится возможность прожить этот год.

– Ты отправишься со мной в Морияр для дальнейшего расследования, – нарочито громко произнес полицейский. Помог мне подняться и мягко подтолкнул к выходу.

Больше ни о чем не спрашивая (не то это место, чтобы вести долгие беседы), я последовала за своим, как я надеялась, спасителем. Бастиан рассеянно кивал в ответ на раболопные улыбки и почтительные приветствия попадавшихся нам навстречу полицейских.

Похоже, важная шишка. Которая каким-то непостижимым образом заинтересовалась моей никому не нужной персоной.

Может, этот мужчина тоже один из эмоционально зависимых? И решил мной попользоваться, как мерзавец Торсли? Земля ему каменной глыбой!

От этой мысли меня затрясло. Еще одного издевательства над собой я просто не выдержу. Уж лучше сразу...

Но мне даже не хватило духу закончить эту мысль. Вдруг отчетливо поняла, что никогда не смогу наложить на себя руки. Чем больше туч сгушалось у меня над головой, тем сильнее мне хотелось жить.

Или вернее будет сказать – выжить.

Сумерки только-только начали оседать на город, окутывая серые здания пеленой. Туман стал густым и тяжелым, будто хотел придавить к земле все живое. Холодная морось пробирала до костей. Или то меня бил нервный озноб?

Велев садиться в экипаж, Бастиан подошел к одному из полицейских, пожилому офицеру, что сегодня утром грозился испытать на мне все имевшиеся у них в арсенале орудия истязаний. Тогда я не придавала его словам значения. А сейчас, вспомнив свое посещение пражского музея пыток пару лет назад, почувствовала, как внутри все сжалось в болезненном спазме.

Невыносимо долгие минуты ожидания, и вот Бастиан прощается с моим несостоявшимся мучителем. Подходит к экипажу, усаживается напротив. Приказывает кучеру трогаться, а мне говорит:

– Спать здесь, конечно, не очень удобно, но все же поста-

райся уснуть. Ночь предстоит длинная.

На языке вертелось множество вопросов, и все они представлялись мне жизненно важными, ответ на каждый хотелось получить прямо сейчас.

– Вы сказали, что будет проводиться расследование... – начала осторожно.

Увы, мой визави оказался не слишком разговорчивым.

– Не думай пока об этом. Лучше поспи. Для тебя все плохое уже позади.

Поверила ли я ему? Нет. Но любопытствовать вдруг расхотелось. Веки налились свинцовой тяжестью, с трудом удалось подавить зевок. Последнее, о чем подумала, уплывая в другую реальность, – это что меня опять угораздило связаться с высшим.

Надеюсь, знакомство с этим магом не принесет мне новых страданий.

* * *

Я проспала всю ночь и добрую половину утра. Наверное, дрыхла бы себе и дальше, убаюканная заклятием мага, если бы он меня не разбудил.

– Голодная? – поинтересовался скупно, убирая руку с моего плеча и откидываясь обратно на спинку сиденья.

Стоило услышать этот вопрос, как рот наполнился слюной. Шумно сглотнув, кивнула в ответ. Вчера я даже не по-

мышляла о еде, а сейчас, когда страх отпустил, вдруг почувствовала, как спазмом сдавило желудок.

Оставаясь верным самому себе, то есть предельно лаконичным и максимально молчаливым, Бастиан, больше не говоря ни слова, распахнул дверцу. Первым вышел из экипажа и подал мне руку.

Галантен, заботлив, не пытается вытягивать из меня эмоции... Какой-то неправильный высший, ей-богу.

Сверля затылок своего спутника настороженно-любопытным взглядом, я последовала за ним ко входу в придорожную таверну. Оттуда, из распахнутых настежь дверей, доносились умопомрачительные запахи. Или это я настолько изголодалась, что даже кашу из прогорклой крупы или черствую краюху хлеба съела бы сейчас как самый изысканный деликатес.

В зале обнаружилось всего несколько столов, и только один оказался занят. Устроившись у самого камина, я протянула к пламени руки и прикрыла глаза, наслаждаясь тем, как тепло согревает ладони.

Вскоре Бастиан присоединился ко мне. К счастью, ждать заказ, о котором он позаботился сам, решив не обременять меня выбором, пришлось недолго. Спустя минут пять прибежала служанка, поставила перед нами два внушительных размеров горшочка с дымящейся похлебкой, по виду смахивающей на чечевичную, а также кружки, тоже немаленькие, над которыми тонкой струйкой вился травяной аромат.

Рискуя обжечься, я подтянула к себе кружку и сделала маленький глоток. За ним еще и еще, пока приятное тепло не разлилось по всему телу.

Похлебка оказалась изумительной. По крайней мере, я ничего вкуснее, казалось, уже сто лет не ела. А вот маг к своей порции почти не притронулся. То ли не привык к столь скромным кушаньям, то ли просто не был голоден.

По большей части он смотрел на меня, словно пытался просканировать своими темными, задумчивыми глазами, заглянуть в самую душу. Или же бросал по сторонам рассеянные взгляды, чтобы потом снова сосредоточиться на моей персоне. Изредка принимался постукивать длинными ухоженными пальцами по столу, о чем-то размышляя. Мне бы очень хотелось узнать, что за мысли в такие моменты бродили у него в голове. Но начинать разговор высший не торопился. А я, признаюсь, робела перед этим угрюмым господином и не решалась нарушить молчание.

Да и узнав, что спутник мой не просто полицейский, а счастливый обладатель магического дара и вампирских замашек, честно говоря, побаивалась проявлять любопытство. Вдруг ответы его мне не понравятся.

Что ему мешает взять пример с мерзавца Торсли и оставить меня себе для личного пользования? Или просто потешиться пару раз, а потом выбросить, как наскучившую игрушку. Высшие – они ведь ветрены и непостоянны. Мы для них не более чем временное развлечение и способ удовле-

творения неиссякаемой жажды.

Трапеза началась в тишине, тишиной и закончилась. Бастиан даже слова мне не сказал. Только поднимаясь, мимоходом бросил, что нам пора, и отправился расплачиваться за завтрак.

На сей раз усыплять меня не стали, и на том спасибо. Я принялась изучать окружающие пейзажи, но пялиться в окно часы напролет на однообразные поля и редкие деревушки, что мы проезжали, как-то не получалось. Сама того не желая, я то и дело останавливала свой взгляд на маге.

В отличие от Торсли, от одного лишь вида которого все содержимое желудка просилось наружу, этот высший не вызывал рвотных рефлексов. Наоборот, признаюсь, мне понравилось украдкой его изучать.

Любоваться его красивым лицом с благородными чертами. Высоким лбом, острыми скулами, тонкими губами, на которых так редко появлялась улыбка. Черные волосы мага были слегка растрепанными – наверное, уже и забыл, когда в последний раз их расчесывал, – и передние пряди постоянно лезли ему в глаза. Но Бастиан, казалось, этого даже не замечал, настолько был поглощен своими мыслями.

Высокого роста, стройный – я ему едва доставала до плеча. Да и темный шерстяной сюртук визуально делал фигуру более длинной и худосочной.

Взгляд мага частенько останавливался на мне, и тогда приходилось опускать голову или отворачиваться к окну.

Вот так мы и ехали, поочередно разглядывая друг друга, в молчании, которое в какой-то момент перестало быть неудобным. Странно, но в присутствии этого человека я чувствовала себя спокойно.

Тусклое весеннее солнце изредка показывалось из-за туч, освещая покрытые моросью поля и луга, уходящую вдаль дорогу.

Созерцание девственной природы, размеренная дробь копыт, присутствие незнакомого мужчины, подарившего мне надежду, действовали умиротворяюще. Даже не заметила, как задремала. Проснулась уже поздним вечером, когда на небе, непривычно чистом, без единого облачка, светила полная луна.

На сей раз разбудил меня не высший, а сильный толчок в спину. Поезд резко остановился, и я едва не свалилась в объятия мага. В последний момент сумела удержаться на месте. Сонно потерла глаза и, отодвинув пропыленную шторку, выглянула наружу.

В окнах одноэтажного домика, увитого плющом, сквозь который проглядывал кирпич теплого медового цвета, горел свет. Точно такие же абсолютно одинаковые строения с остроконечными крышами тянулись вдоль дороги, поставленные вплотную друг к другу.

Хозяева «пряничного» домика, к которым мы попросились на ночлег, приняли нас радушно. Наверное, не последнюю роль в этом сыграла парочка банкнот, которые Басти-

ан вложил в пухлую руку мистера Поррина. Тут уж и сам хозяин, и его пышногрудая супруга засуетились вокруг нас, принялись спешно накрывать на стол и выставлять на нем всевозможные разносолы. По большей части крутились они возле Бастиана, всячески стараясь ему угодить, но и меня с кучером вниманием не обделили.

За ужином говорил в основном мистер Поррин, а его румяная женушка, с лица которой не сходила улыбка, время от времени разбавляла монолог мужа. Бастиан честно старался поддерживать разговор, хоть и получалось у него это не очень. Вот ведь какой замкнутый тип!

Мистер Поррин не без удовольствия заполнял паузы после скупых фраз мага очередным рассказом о мирной селянской жизни и явно наслаждался беседой. Когда приступили к десерту, маковому пирогу, каждый кусочек которого таял во рту, радушная хозяйка, с улыбкой извинившись перед гостями, отлучилась из-за стола.

Вернулась минут через десять и почтительно обратилась к моему спасителю:

– Ваша комната готова, милорд.

– Отлично, – высший заметно оживился.

С лица его исчез налет апатии, а мне отчего-то стало не по себе.

Комната? Одна? Понятное дело, здесь не гостиница, но нам что же, ночевать вместе? Или мне велят топтать в сарай? Уж лучше туда, чем...

Закончить мысль не успела, вдруг услышав распоряжение полицейского:

– Пожалуйста, проводите... – Он замялся на миг, осознав, что так и не узнал моего имени. Спрашивал раз, но тогда я просто отшутилась, а больше мы к церемонии знакомства не возвращались. – Гостью. – И глянув на меня, коротко обронил: – Я скоро подойду. – После чего с совершенно невозмутимым видом вернулся к беседе с мистером Поррином.

Я отложила столовые приборы, послушно поднялась, чувствуя, как внутри все стынет от нарастающей тревоги. Кажется, самые страшные мои предположения готовы были подтвердиться.

А я ведь уже почти поверила, что повстречала нормального человека. Но видимо, в этом чертовом мире таких не существует!

Оказавшись в комнате – совсем крохотной, вместившей в себя лишь узкую кровать да табурет с зеркалом, – заметалась по ней, как пойманная в клетку птица.

Как он поступит, если я ему откажу? Принудит силой? Вернет обратно в тюрьму? Или воспользуется каким-нибудь магическим трюком...

К тому моменту как дверь отворилась, я уже успела так себя накрутить, что, увидев замершего на пороге мага, едва не закричала. В последний момент до боли прикусила губу и застыла посреди комнаты, глядя вышнему в глаза и пытаюсь прочесть в них свой приговор.

Только они по-прежнему оставались непроницаемыми, эти глаза.

Глава девятая

Мужчина притворил за собой дверь, изолировав нас от всего остального мира. Я нервно вздохнула, машинально отступив на шаг. А высший тем временем, по-прежнему не говоря ни слова и будто бы не замечая охватившего меня смятения, в два шага пересек комнату, поставил на стол возле зеркала какой-то бумажный сверток, а рядом пристроил длинный узкий конверт, скрепленный сургучной печатью.

То ли в спальне было душно, то ли маг решил начать готовиться ко сну (ко сну ли?!), он не спеша стянул с себя сюртук и небрежно бросил его на кровать. К тому моменту я уже подпирала плечами стену. Дальше отступить было некуда.

Вскинув на меня глаза, мой спутник невозмутимо произнес:

– К сожалению, я не смогу забрать тебя с собой в Мориар. Мы расстанемся сегодня. Я много думал о том, как помочь тебе, но, боюсь, вариантов у нас немного. Вернее, всего один. Сейчас я расскажу тебе о нем и о возможных последствиях. И ты уже сама будешь вправе решать, принимать ли мое предложение. Прости, но больше я ничего сделать для тебя не смогу.

Сложно сказать, что испытала в момент, когда поняла: очень скоро этот человек исчезнет из моей жизни так же внезапно, как и появился. Почувствовала ли укол разочарова-

ния? Или, может, страх снова остаться одной в этом безумном мире? Облегчение? Нет, только не третье. Да, я опасалась Бастиана, как и любого другого высшего, и в то же время была не против и дальше оставаться под его защитой.

Но, видно, не судьба...

А когда маг принялся делиться со мной соображениями относительно моего недалекого будущего, в голове и вовсе начала вариться каша из противоречивых эмоций, которые попеременно сменяли друг друга. Я даже пару раз украдкой себя ущипнула, дабы убедиться, что этот бред мне не снится.

Ну правда же – бред! Такого ведь на самом деле быть не может!

– Так просто в нашем мире пришлые не исчезают, – издалека начал полицейский, постепенно подбираясь к сути. – На тебе стоит магическая метка, и по ней тебя выследят в считанные дни. Ты по-прежнему обвиняешься в убийстве, и, если бы я забрал тебя в Морияр, пришлось бы идти на суд. Конечно, отыскать Истер будет несложно. Добиться от нее признания, если она действительно убила Торсли, – еще проще. Но для тебя это будет уже неважно. В глазах общества ты навсегда останешься заклеянной. А такую – ту, что обвинялась в убийстве, – ни один высший купить не захочет. Единственное, на что сможешь рассчитывать в будущем, – это жизнь в борделе или работа на фабрике. Ничего из этого я для тебя не желаю.

Для себя он меня, по-видимому, тоже не желал. Я даже

уже и не знала, радовало ли это меня или задевало.

– Сама понимаешь, – так как по комнате особо было не разгуляться, магу быстро наскучил его променад, и он подошел ко мне. Опустился рядом на краешек кровати и продолжил тихим, ничего не выражающим голосом: – По возвращении в Морияр мне придется заявить о твоём побеге.

Я негромко хмыкнула.

Интересно, а такое вообще возможно – сбежать от высшего? Уточнять не стала, не до того сейчас было. Куда важнее было понять, какую лазейку нашел для меня полицейский.

– Поверь, тебя будут искать. И, как уже говорил, по метке легко обнаружат.

– Есть ли способ от нее избавиться? – спросила с надеждой. Сейчас, узнав о волшебных свойствах клейма, чувствовала, как оно жжет мне кожу. Рука сама потянулась к тому месту, где под тонкой тканью сорочки скрывался роковой знак.

Бастиан, помедлив, кивнул:

– Есть. Но боюсь, он тебе не понравится. – С этими словами высший потянулся к оставленному на столике свертку и разорвал бумагу. Отставил в сторону какой-то пузатый флакончик с мутновато-лиловой жидкостью и взял в руки стеклянный сосуд с тонким горлышком. В нем была заточена... невероятной красоты бабочка.

Никогда прежде мне не доводилось видеть ничего прекраснее! Ее золотистые крылья были расписаны темны-

ми витиеватыми узорами, бархатистую головку и грудь, казалось, покрывала бриллиантовая россыпь. Вот бабочка вспорхнула, но не способная вырваться на волю, снова опустилась на дно своей «клетки». Резко хлопнула крыльями, и ее окутала легкая сизая дымка.

А когда та рассеялась, от сказочного создания не осталось и следа. Я увидела свернувшуюся клубком змейку с янтарными глазами и изумрудной чешуей. Приподняв голову, пресмыкающееся угрожающе зашипело, глядя на меня. За каких-то пару минут диковинное существо успело поменять свой облик несколько раз. Скинув личину змеи, превратилось в черного паука – не самое, должна заметить, удачное из его обличий, – чтобы потом снова стать нежной бабочкой, на сей раз с прозрачными крыльями, покрытыми серебристой пылью.

– Это андромела – одно из самых необычных созданий, когда-либо рождавшихся на Эльмандине, – пояснил высший, ставя сосуд с бабочкой – хотя нет, уже снова со змеей – обратно на столик. – Редкое, прекрасное и очень опасное существо. Это твой билет в новую жизнь. Но... – Бастиан помедлил и с явной неохотой закончил: – Но может случиться, что ты не выдержишь превращения и яд андромелы тебя убьет.

– Превращения? – тихо переспросила я, с опаской косясь на «хамелеона» в банке, вновь надумавшего стать пауком.

– Метка не исчезнет с твоего нынешнего тела. Никаким чарам не под силу ее свести. Но на новом девственном теле

от нее не останется и следа. Благодаря укусу андромелы ты, можно сказать, родишься заново.

Укусу? Ядовитой твари?

Я судорожно сглотнула и отвернулась от чертового создания. Всерьез думает, что я позволю этой дряни себя уку-
сить?!

А маг тем временем, то ли не догадываясь, какие мысли роились у меня в голове, то ли ему на мои переживания было попросту наплевать, продолжал свой невозмутимый инструктаж:

– Ты должна понимать, прежней тебя не станет. Изменится все: черты лица, цвет глаз, фигура... Даже голос станет другим. Но это и хорошо. Никто и никогда не заподозрит в тебе беглую рабыню. Преступницу. Ты сможешь начать все заново. Новая жизнь, новая ты. Осталось лишь определиться, готова ли ты к таким переменам.

Определиться? Да у меня сейчас крыша поедет! Как можно в таком состоянии вообще о чем-то думать и что-то решать?!

– И что, – с трудом выдавила из себя, – все это способно сделать какое-то... насекомое? – Хотя в данной своей ипостаси чудо-создание насекомым уже не являлось.

Бастиан кивнул.

– Яд андромелы вызывает трансформацию. Когда процесс превращения завершится, миссис Поррин даст тебе противоядие, – указал он на пузырек с зельем. Поджав губы, спеш-

но продолжил: – Случается, правда, что противоядие не действует. И тогда...

– Смерть, – закончила я за мага. Помнится, он уже упоминал о таком финале.

– Это огромный риск, и я не вправе уговаривать тебя на него соглашаться. Но и хочу, чтобы ты поняла: другого выхода у тебя просто нет. Если, конечно, надеешься когда-нибудь стать счастливой.

Счастливой? Только не в Эльмандине.

– Но я ведь по-прежнему останусь пришлой. Мои эмоции... Куда я пойду? Что со мной случится? – Меня так и подмывало выкрикнуть: «Когда ты уедешь!» В последний момент сдержалась. Не хватало еще вешаться ему на шею и умолять не бросать одну. Я и так стала для него обузой и должна быть благодарна уже за то, что он для меня сделал.

Маг улыбнулся. Правда, улыбка эта вышла тусклой и какой-то неестественной.

– Следующее мое предложение тебе тоже наверняка не понравится. Но это лучшее, на что может надеяться в Эльмандине пришедшая.

Он посылал меня... в школу куртизанок. Да-да, именно туда. В какой-то элитный пансион для не совсем благородных девиц, которым заведовала некая мадам Луари. И выпускницы которого в будущем становились фаворитками самых влиятельных и знатных вельмож.

Именно для этой Луари и было составлено рекоменда-

тельное письмо. И когда только успел его написать?

В общем, по плану мага меня опять ждала клетка. Роскошная, но все-таки клетка.

– Мадам Луари заботится о своих воспитанницах и подбирает для них только самые лучшие партии. – Заметив немой протест в моих глазах, ощутив мои эмоции, бьющие через край, Бастиан принялся с жаром увещевать: – Послушай! Эти четыре месяца стали для тебя настоящим кошмаром, и ты имеешь полное право считать всех высших монстрами. Но на самом деле это не так. Мы умеем любить. А под руководством мадам Луари ты узнаешь не только, как добиться расположения мага, но и как незаметно его приручить. Некоторые иномирнянки имеют на своих хозяев влияние даже большее, чем их жены. Рабыня вполне может стать госпожой.

Не уверена, что слезы в данной ситуации способны были хоть что-то изменить, но одна помимо воли все же сползла по щеке. Бастиан стер ее, бережно, словно боялся одним своим прикосновением сделать мне больно. Придвинулся ближе, взял за руку и, как тогда, в кабинете начальника полиции, ободряюще сжал ее.

– Поверь, я желаю тебе только добра и верю, что у тебя все получится.

– Может, останетесь хотя бы на эту ночь? – Еще совсем недавно я страшилась общества полицейского, опасалась того, что он может от меня потребовать, а сейчас мечтала, что-

бы не бросал одну во время превращения.

Если я все же на него решусь.

А вдруг мне станет плохо? Кто поможет тогда? Миссис Поррин? Вольет мне в рот противоядие, которое, возможно, и не подействует. Невелика помощь...

Увы, маг был непоколебим:

– Будет лучше, если я не узнаю, какой ты станешь. Лучше и для тебя, и для меня. – Очередная слезинка, скатившаяся уже по другой щеке, тоже не осталась без внимания. Бастиан стер и ее и прошептал мягко: – Так сложилось, что в моей жизни нет места для рабыни, и мне следует тебя забыть. А если судьба вдруг снова столкнет нас вместе, я не узнаю тебя. Так же, как и ты не вспомнишь того, кто подарил тебе шанс начать все сначала.

И прежде чем я успела спросить, что он имеет в виду, полицейский обхватил мое лицо ладонями, притянул к себе и поцеловал. Лишь на короткий миг наши губы соприкоснулись, и внутри болезненно кольнуло. Не от страха или отвращения. А от осознания того, что вот сейчас этот поцелуй закончится и мой неожиданный спаситель уйдет. Навсегда исчезнет из моей жизни.

Бастиан резко отстранился. Лицо его, которым за минувший день я любовалась не раз, вдруг стало каким-то размытым. Голова закружилась. Я сжала виски, тщетно пытаюсь справиться с внезапным приступом слабости. Маг поднялся. Надеюсь его задержать, наплевав на все, умолять остаться,

но губы не слушались, а слабые пальцы, так и не сумев сомкнуться вокруг его запястья, соскользнули с манжеты.

Сквозь застилавший глаза туман я видела размытый силуэт человека, имя которого, находясь в тюрьме, твердила про себя, как молитву, а сейчас, к своему ужасу, не могла вспомнить даже первой буквы. Лишь на мгновение задержавшись на пороге, мужчина обернулся – лицо его по-прежнему утопало во мраке – и скрылся за дверью.

Комнату поглотила тишина, а в моем сердце снова стало пусто.

* * *

Сложно сказать, сколько так просидела, безотчетно пялясь на закрытую дверь. Минуты текли невыносимо медленно и в то же время слишком быстро. Следовало что-то решать. Определяться с выбором. Или последовать совету... – мне хотелось кричать от невозможности вспомнить его имя! – ...высшего. Или попытаться скрыться. Возможно, повезет найти убежище в каком-нибудь другом уголке этого страшного мира. Верилия ведь не единственное государство в Эльмандине.

Хотя... Будь у меня другая дорога, разве не предложил бы мне ее маг? Я ведь и об этой империи практически ничего не знаю, уже не говоря о других.

Без средств, без сведущего провожатого далеко не уйду.

Скорее всего, меня поймают прежде, чем успею добраться до границ Верилии. И тогда...

Пересев к зеркалу, долго всматривалась в его тусклую гладь. На столике слабо тлела свеча, и в ее неярких бликах мое лицо казалось еще более бледным. Испуганным, усталым. Изможденным.

Но это было мое лицо. Мои глаза, мои волосы. Мой голос. Этот мир отнял у меня все. А сейчас готов был отнять последнее – меня саму. Часть меня умерла в тот день, когда я оказалась в Эльмандине. И вот, кажется, настала пора устраивать по самой себе панихиду.

Если рискну переступить черту, прежняя Иванна исчезнет. Умрет, отравленная ядом.

Отблески пламени ложились на сосуд, в котором, снова пребывая в образе невинной бабочки, ждала своего часа андромела. Я боялась даже прикоснуться к тонкому стеклу, не то чтобы выпустить ее на волю.

Глядя на свое отражение, такое знакомое, такое родное, спрашивала себя саму, чего же страшилась больше: риска, которому подвергнусь из-за укуса, или же того, что потеряю себя навсегда.

Наверное, физическая смерть стала бы для меня своего рода избавлением. А вот учиться жить в новом облике – не знаю, смогу ли.

В дверь тихонько поскреблись. Обернувшись, увидела замершую на пороге миссис Поррин.

– Если госпожа не возражает, я оставлю дверь приоткрытой. Чтобы... быть в курсе.

Я молча кивнула, с трудом растянула губы в некоем подобии улыбки и получила в ответ такую же слабую улыбку. Кажется, миссис Поррин боялась не меньше меня и наверняка гадала, придется ли им завтра отправляться на кладбище. Или же гостя окажется достаточно сильной, чтобы выдержать превращение.

Сильной... Это уж точно не про меня.

Гостеприимная хозяйка ушла. Я посидела еще немного, гипнотизируя взглядом собственное отражение, мысленно прощаясь с самой собой. А может, и с жизнью.

Потом разделась до нижней сорочки. Сложила аккуратной стопочкой вещи. Снова села. Не без опаски потянулась к сосуду, где в данный момент мирно почивала змея, и тут же испуганно отдернула руку. Представила, как эта тварь выползает наружу, тянется ко мне, обнажая клыки.

Господи, как же сложно решиться!

Приказав себе успокоиться, взяла сосуд и перебралась на кровать. Оставалось самое малое: открыть его и довериться судьбе. Будь что будет. Умру? Что ж, значит, придет конец всем моим мучениям.

Коснулась узкого горлышка, потянула за пробку. Благо к тому моменту андромела снова стала безобидной на вид бабочкой. Которая, вдруг уменьшившись в размерах, легко выпорхнула на волю. Покружила передо мной и плавно опусти-

лась в изножье кровати.

Не сводя с нее взгляда, я отодвинулась подальше. Вжалась в деревянную спинку, ожидая, когда же эта тварь обратит внимание на свою жертву. Но та не спешила ко мне подлетать. Лишь лениво шевелила серебристыми крыльями, а потом и вовсе замерла, точно уснула.

Минута, две... Кажется, и я, и все вокруг меня застыло во времени. Ожидание, страх, желание убежать и надежда, что бабочка сейчас упорхнет в распахнутую дверь, – все смешалось.

В какой-то момент она действительно вспорхнула, а на темное покрывало опустилась уже ядовитая змея. Мелкая, опасная, от одного вида которой хотелось завизжать.

Не вскочила лишь потому, что страх сковал тело. Не способная пошевелиться, с ужасом наблюдала, как пресмыкающееся, плавно изгибаясь, ползет по покрывалу, с каждой секундой оказываясь все ближе. Вот она уже почти подобралась ко мне. Не в силах больше смотреть на андромелу, зажмурилась. Ощутила, как нечто холодное и скользкое прошло по руке.

Короткая вспышка боли, и меня затянуло в воронку кошмаров.

Пламя свечи ярко вспыхнуло и зашипело, стремительно разгораясь, рассыпая по полу слепящие искры. Те обернулись жарким костром, и по стенам заплясали кривые тени. Казалось, это бесовское пламя сейчас бушует и во мне, по-

жирает изнутри, стремясь вырваться наружу.

От новой боли, волной прокатившейся под кожей, я выгнулась. Закричала. И не умолкала, пока не кончился воздух в легких, пока кошмарные образы перед глазами не померкли.

Не знаю, сколько раз теряла сознание, а потом возвращалась к реальности, чтобы снова испытать нечеловеческие муки. Я уже готова была возненавидеть мага, а заодно и себя, что так по-глупому ему доверилась. Сама, добровольно обрекла себя на страдания. Которым, казалось, не будет конца.

Но нет, в какой-то момент все закончилось. Почувствовав, как огонь перестает бежать по венам и тело непроницаемым коконом окутывает долгожданный холод, провалилась в пустоту.

Очнулась, только услышав ласковый голос:

– Пей, родная.

Преодолея слабость, сделала несколько глотков. Глубоко вздохнув, ощутила, как мышцы наконец расслабляются. Измученная, откинулась на подушку и прикрыла глаза.

Глава десятая

Проснулась, когда солнце было уже высоко в небе. Косые лучи, проникая в комнату через широкое окно, раскрашивали все вокруг яркими красками нового дня. Осторожно приподнявшись, поморщилась от режущей боли в висках и снова повалилась на кровать.

Вторая попытка оказалась более успешной. Мне удалось осмотреться. Обнаружила, что лежу на смятых простынях, перепачканных какой-то слизью. Вот ведь гадость! В изорванной – кажется, моими стараниями – сорочке, тоже не слишком-то опрятной, да еще и мокрой. А главное, почему-то... вдруг ставшей мне короткой.

Тут уж я, позабыв о слабости, слетела с постели и с жадностью прильнула к зеркалу. Смотрела на себя во все глаза и не верила, что отражавшаяся в серебристой глади незнакомая девушка – это действительно я.

Несколько темных завитков прилипло к покрытым испариной вискам, остальная грива свободно струилась по плечам и прикрывала спину. Никогда мне не удавалось отрастить настолько длинные волосы.

Глаза – миндалевидные, пронзительно-зеленые, как у самой настоящей кошки. Губы припухли, а кожа утратила привычную белизну. Нет, смуглянкой я так и не стала, но болезненная бледность ушла. Зато появилось родимое пятнышко

на шею, которого у меня отродясь не было.

Взгляд скользнул ниже...

Грудь (оказывается, она у меня все-таки имеется) увеличилась в размере. Или, вернее, в размерах.

Чувствуя, что еще немного – и окончательно свихнусь, дрожащими руками содрала с себя слизкие ошметки ткани, не беспокоясь о том, что в любую минуту сюда могут заявиться мистер или миссис Поррин и застанут свою гостью в чем мать родила.

Но любопытство оказалось сильнее врожденной стыдливости.

Я всегда была очень худой и хрупкой. Балерина обязана следить за своим весом, правда, у меня с этим проблем никогда не возникало. Лишние сантиметры категорически отказывались прилипать к талии. Да и не имела я особых гастрономических пристрастий.

На новой талии тоже ничего лишнего обнаружить не удалось. А вот в бедрах я раздалась и теперь являлась счастливой обладательницей классической фигуры «песочные часы». Да еще и стала выше на целую голову.

В общем, от тоненькой миниатюрной Ивушки не осталось и следа.

Сейчас на меня смотрела высокая статная девица с лукавыми зелеными глазищами, темной копной волос, в полуденных лучах отливавших золотом.

Маг не соврал, на новом теле метки не обнаружилось, и я

немного успокоилась.

Хотя нет! Какое там успокоилась! Меня продолжало потряхивать, и, сколько ни пыталась, я никак не могла оторваться от зеркала.

Даже и не знаю, удастся ли свыкнуться с новым образом.

За этим занятием меня и застучала миссис Поррин. Пришлось спешно прикрываться грязной, сырой простыней и просить (святые небеса, куда подевался мой голос?!) милую женщину нагреть воды, чтобы я могла смыть с себя всю эту липкую мерзость. А также дать хоть что-то, чтобы утолить голод.

Кажется, у новой Ивы, в отличие от старой, с аппетитом был полный порядок.

Пока мистер Поррин таскал воду и наполнял ею деревянную лохань, а его женушка хлопотала у печи, я все пыталась выпросить у нее хоть что-нибудь о своем превращении. В памяти урывками всплывали моменты, когда приходила в сознание, корчилась от боли и чувствовала, будто с меня сдирают кожу.

Поежившись, мысленно велела себе не думать о самом страшном и стала слушать краткий отчет приютившей меня крестьянки:

– Я так боялась, что с вами что-нибудь плохое случится, – делилась переживаниями та. – Вот и не спала два дня, почти все время сидела рядом, ожидая, когда же превращение закончится.

Два дня... А я-то думала, что прошло всего несколько часов.

– А потом, дав вам зелья, принялась за уборку. Иначе бы пришлось перестилать полы... Но вас не трогала, – непонятно зачем поспешила заверить женщина. – Господин полицейский строго-настрого наказал не тревожить вас, пока сами не очнетесь. Хотя мне было так любопытно, какой вы стали. Так и хотелось подглядеть. И раньше-то были хорошенькой, а сейчас... Ну совсем другая, такая... – миссис Поррин замялась, подбирая слова, чтобы описать свои впечатления по поводу новой меня, а потом просто закончила: – В общем, красавица.

– Спасибо, – польщенно улыбнулась я.

А крестьянка тем временем продолжала, споро накрывая на стол:

– Господин полицейский сказал, что оболочка должна сойти сама. А я сразу не подумала и полы возле кровати ничем не застелила, – запоздало сокрушалась женщина.

Представила себя, дрыхнувшей в осклизлом коконе, точно в гробу, и поморщилась. Хорошо, что господин полицейский не поделился со мной такими подробностями заранее. Наверное, со стороны это было то еще зрелище.

Кстати, маг наверняка представился пожилой чете. О чем я не замедлила тут же поинтересоваться своим новым, абсолютно незнакомым мне голосом.

Миссис Поррин как-то странно на меня посмотрела. Еще

бы! Я не знаю имени своего покровителя. Тут было чему удивиться.

К сожалению, крестьянка меня разочаровала, сообщив:
– Ваш спутник предпочел не называть себя.

Тоже мне, мистер инкогнито.

– Если госпожа не против, после обеда Мариг отвезет вас в город.

Я молча кивнула. Услыхав, что можно идти купаться, вернулась в комнату. Отмокать в горячей воде, а заодно обдумывать дальнейший план действий.

Как поступить? Теперь меня и мать родная не узнает. Беглая «преступница» исчезла навсегда, канула в Лету, и никто и никогда не свяжет меня с убийством Торсли.

Стоит ли отправляться к мадам Луари? Чтобы там из меня сделали высококлассную шлюху. Как-то не хочется. Но и рисковать всем, после того как чуть не распрощалась с жизнью, – тоже не вариант.

А еще... я очень устала. Устала от гнетущего чувства опасности, от постоянных потрясений, бесконечного ожидания, что не сегодня так завтра меня поймают. Отправят на торги или на эти их фабрики. Которыми меня здесь постоянно пугают.

Может, план мага не так уж и плох, и несколько месяцев в окружении таких же, как я, иномирянков пойдут мне на пользу? По крайней мере, не буду чувствовать себя одинокой рядом с другими несчастными. Передохну, соберусь с мысля-

ми, постараюсь свыкнуться с теперешней собой, а главное – попробую разузнать как можно больше об Эльмандине. Хэй-мо утверждал, что вернуться домой пришлые не могут, но так и не сумел внятно объяснить – почему.

А вдруг он ошибся, и шанс вырваться из этого чокнутого мира все-таки есть? Или на крайний случай сбежать из Верилии. Но для этого необходимо иметь хотя бы общее представление об Эльмандине. Чтобы знать, где лучше скрыться.

Скинув с себя простыню, с наслаждением погрузилась в душистую воду и прикрыла глаза.

Высший сказал, рабыня вполне может стать госпожой. Что ж, этого я желала больше всего на свете. Стать госпожой. Своей собственной жизни.

* * *

В столицу его сиятельство прибыл на следующий день. Поздним вечером, так как намеренно не спешил, хотел дать пришлой время на перерождение. Две бессонные ночи, проведенные на разбитых дорогах провинции, сделали свое дело: дознаватель едва не валился с ног и единственное, о чем мечтал, это как можно скорее оказаться дома.

Подумывал, правда, по дороге заскочить к трапперу, но потом решил, что утро вечера мудренее. Лучше мистера Перегрина он допросит завтра, когда не будет умирать от усталости.

И если встречу с охотником можно было отложить, то захватить в управление полиции маг был обязан. Сообщить новость из ряда вон выходящую: от него сбежала пришлая.

В лучшем случае его поднимут на смех. В худшем... О худшем старался не думать.

Оставалось надеяться, что он не зря рисковал карьерой и девушка все-таки выживет. Не сглупит и последует его совету, отправится к мадам Луари, которой он в письме наказал о ней позаботиться.

И никогда, ни при каких обстоятельствах не раскрывать его личности. Подстраховки ради даже охранное заклятие на конверт наложил. Чтобы, если пришлая вдруг надумает вскрыть послание, попытка эта оказалась тщетной. Только та, которой письмо было адресовано, сможет его прочесть.

Почувствовав колющую боль в груди, Бастиан потянулся к часам, хранившимся в кармане жилета. Пальцы коснулись золоченой цепочки, нащупали заветный артефакт и крепко сжали его.

«Нужно будет завтра же отправить мастеру», – сделал пометку в памяти маг, вбирая в себя остатки человеческих переживаний, коими при помощи магии был напитан артефакт.

Увы, по сравнению с эмоциями, отнимаемыми непосредственно у людей, эти лишь на короткое время утоляли жажду. Но лучше уж такой суррогат, чем и вовсе никакого. Без длительной подпитки Бастиан начинал ощущать, как в гру-

ди стынет сердце, покрывается ледяной коркой. Накатывает апатия.

Стоило магу прикрыть глаза, как перед внутренним взором представала иномирянка. Сейчас он отчетливо видел ее нежные черты лица, слышал тихий мелодичный голос. Будто она была рядом.

Сколько раз за время, проведенное с девушкой, боролся он с искушением попробовать ее эмоции. Настоящая пытка. Мечтал поцелуем прикоснуться к теплым губам, ощутить нежность ее кожи. Чудо, что сумел сдержаться. В противном случае в памяти незнакомки навсегда остался бы еще одним монстром.

Оставив один отчет на столе у комиссара, а другой велел утром передать ее величеству, Мар с чувством выполненного долга отправился домой. Завтра. Завтра настанет новый день, в котором ему придется врать и изгаляться. Лишь бы поверили.

Но сегодня он постарается забыть обо всем и просто уснет рядом с Эмилией. Возможно, любимой удастся раз и навсегда прогнать из памяти образ пришедшей.

Было около полуночи, когда дворецкий распахнул перед хозяином дверь.

Первое, чем поинтересовался Мар, это самочувствием графини.

– Госпоже сегодня весь день нездоровилось. Опять мигрень. Даже к ужину не спустились, – отчитался слуга и, по-

лучив разрешение быть свободным, отправился отдыхать.

А Бастиан, преодолевая по две ступени за раз, взбежал по лестнице, мысленно ругая мистера Ройса, их семейного лекаря, которому никак не удавалось подобрать для Эмилии действенное лекарство. Жена нередко была вынуждена оставаться в постели из-за сильной головной боли и часами не покидала своих покоев.

А он, вместо того чтобы посвящать ей каждую свободную минуту, заботился о другой. Девушке, даже мысли о которой казались ему преступными.

Стараясь не разбудить жену, Бастиан чуть ли не на цыпочках миновал уютный будуар и осторожно приоткрыл дверь, что вела в спальню.

Но переступить порог так и не смог.

Огонь в камине почти догорел. Света, отбрасываемого умирающим пламенем, едва хватало, чтобы освещать просторную опочивальню. Все вокруг утопало во мраке, но даже тот не сумел скрыть жуткую картину смерти.

Такую знакомую. А оттого еще более страшную. Ирреальную.

Безразличие, еще недавно властвовавшее в сердце мага, сменилось паникой. Болью, отчаяньем. Нежеланием осознавать, что то небольшое, светлое и чистое, что еще оставалось в его жизни, ушло из нее навсегда.

Сколько раз Бастиану Мару доводилось видеть иномиряннок, беспробудным сном спящих на ложе из истлевающих

лепестков роз. Заботливо укрытых тончайшим саваном – искусной иллюзией, постепенно истаивающей.

Таких безмятежных, охраняемых механической бабочкой. Больной ублюдок всегда оставлял их на телах своих жертв.

И вот сегодня коллекция мага пополнилась еще одной такой, приходившей в движение от малейшего прикосновения. Словно она оживала, взамен отнимая жизнь у той, чей покой оберегала.

А сегодня – каждый шаг, что приближал его к любимой, отдавался в сердце нестерпимой болью – она отняла сразу две жизни.

И Эмили, и его.

Часть вторая

Леди-загадка

Глава первая

Полгода спустя

– Девочки, живее. Дилижанс вечно ждать не будет, – поторапливала нас мадам Луари, стоя на ступенях лестницы и своей изящной ручкой звоня в колокольчик.

За минувшие месяцы я настолько привыкла к этому звуку, так же как и к медоточивому голосу хозяйки пансиона, что невольно стала считать их неотъемлемой частью своей жизни.

Нас будили звоном колокольчика, им же приглашали на занятия и в столовую. А когда мадам желала пообщаться тет-а-тет с кем-нибудь из воспитанниц, она тоже выходила на лестницу вместе со своей любимой серебряной «погремушкой».

И вот сегодня я слышу задорную трель в последний раз. В последний раз, сидя на подоконнике, люблюсь раскинувшимся за окном садом.

Первый месяц осени уже миновал, но по-прежнему стоит теплая погода, и природа радует взор буйством красок. Как же я любила гулять по этому саду! Уединяться вечерами в одной из его беседок. С книгой или просто так – чтобы скоротать время в тишине, наслаждаясь умиротворяющим пейзажем. Покоем. В котором тогда так нуждалась.

Оказалось непросто свыкнуться с новой версией самой себя. Перестать вздрагивать всякий раз, когда ловила свое отражение либо в окне, за которым сгущались сумерки, либо в зеркале, что стояло на туалетном столике. Или же в кристальной глади озера, расположенного неподалеку от пансиона.

Пансиона, приютившего меня на целых полгода.

Помню, как переступила порог этой трехэтажной громады в сопровождении мистера Поррина и слуги, отворившего нам ворота. Мой провожатый неловко переминался с ноги на ногу и мял в руках потертое кепи, чуть ли не с открытым ртом обозревая окружавшее нас великолепие. Да и моя челюсть так и норовила свалиться вниз.

Мраморный пол с замысловатым узором сверкал в лучах солнца, и в нем, как в зеркале, отражалась многоярусная люстра из позолоты и хрусталя. Высокие двери из мореного дуба, расположенные друг напротив друга, вели в роскошно обставленные комнаты. Одна – в столовую, где мирно чаевничали несколько девушек, другая – в салон, выдержанный в пурпурных тонах. Из холла наверх вводила широкая лест-

ница. И на последней ее ступени стояла женщина, одетая с большим вкусом: неброско и в то же время элегантно. Наметанным взглядом она осмотрела меня, не сумев скрыть довольной улыбки.

Видать, сразу почувствовала во мне пришлую.

Знакомство с владениями мадам Луари стало первым ярким и, как ни странно, светлым воспоминанием об Эльмандине. Доселе мне доводилось видеть только унылые, мрачные пейзажи: уездные города, охваченные стужей и дождями; убогие шатры, на которые ночами, точно изголодавшийся пес, набрасывался ледяной ветер; блеклые площади, где я мерзла часами, ожидая, когда закончится очередное выступление артистов.

Здесь же все было пронизано теплом и светом. А еще ароматом булочек с корицей...

Помню, как мадам Луари пригласила меня в кабинет. И пока я, утонув в глубоком кресле, глазела по сторонам, высшая штудировала послание моего загадочного покровителя.

Которое ей с легкостью удалось вскрыть.

Я вот тоже несколько раз пыталась это сделать, но тщетно. Стоило коснуться печати, как пальцы начинало покалывать, будто через них пропускали ток. Пришлось смириться и продолжать мучиться неудовлетворенным любопытством.

До сих пор часто вспоминаю о полицейском. Вернее, пытаюсь вспомнить. Но образ его постоянно от меня ускользает. В такие моменты готова на стенку лезть и от досады скри-

петь зубами.

Покончив с чтением, мадам Луари скомкала листок и бросила его в огонь. С тоской и сожалением я наблюдала за тем, как пламя уничтожает единственный шанс узнать, кто же этот мой таинственный спаситель. О том, что однажды владелица пансиона решит поделиться со мной этим секретом, я даже не мечтала.

Когда листок горсточкой пепла осел на дне камина, мадам Луари сосредоточила все свое внимание на моей персоне. Даже попросила подняться и покружиться. Видно, решила рассмотреть свое приобретение с разных ракурсов. Хорошо еще, что зубы не начала пересчитывать.

Пришлось подчиниться, пусть и не хотелось. Не очень-то приятно чувствовать себя товаром, который оценивают и гадают, удастся ли его потом выгодно перепродать.

Осмотром высшая осталась довольна. Расплывшись в лучезарной улыбке, поднялась и, обойдя стол, протянула мне руку.

– Добро пожаловать в нашу семью...

– Иванна, – назвалась я. Еще утром решила, что имя менять не стану. Это единственное, что осталось от прошлой жизни и от меня самой, и я с ним ни за что не расстанусь. Послушно коснулась протянутой мне холеной кисти, унизанной кольцами и перстнями, и сразу же ощутила уже знакомое посягательство на мои чувства. Наверное, это был последний тест. Мадам Луари желала убедиться, что и «на вкус» я не

хуже, чем на вид. – Можно просто Ива.

– Ну вот и чудесно, Ива, – довольно причмокнула высшая и отошла в сторону.

Тогда-то я впервые услышала, как она звонит в свой колокольчик. На мелодичное «динь-динь» прибежала служанка. Еще совсем девочка, лет пятнадцати на вид, одетая в простое черное платье и белоснежный передник. Волосы спрятаны под чепцом, украшенным скромной оборкой.

– Лора, проводи гостью в лавандовую спальню. А я, Иванна, – мадам окинула меня очередным изучающим взглядом, задержавшись на выдавшей виды юбке, теперь едва достигавшей щиколоток, – пока подберу для тебя что-нибудь поприличнее. У нас в таком ходить не принято, – последняя реплика отдавала ноткой брезгливости.

Я постаралась улыбнуться, хоть и не была уверена, что у меня это получилось, и направилась к выходу. Тогда еще не знала, что на прощание следовало изобразить книксен. Об этом, как и о многом другом, мне поведали позже.

Всего пансионерок, не считая меня, здесь чертова дюжина. Познакомилась я со всеми ними за обедом, в той самой столовой, где витали ароматы горячей сдобы. Я стала четырнадцатой ученицей мадам Луари, последней в этом сезоне.

Позже узнала от словоохотливых служанок, что наша директриса после смерти мужа решила вложить оставленное ей наследство в прибыльный бизнес. Два раза в год заказывала у трапперов иномирянок, не старше двадцати; понят-

ное дело, расписных красавиц, непременно здоровых, годных не только на то, чтобы услаждать взор будущего господина и служить ему подкормкой, но и в случае необходимости воспроизвести достойное потомство. Стать чем-то вроде племенной кобылы.

Спросите, зачем высшему заводить детей от рабыни? Все очень просто. А точнее, печально и сложно – для женщин, наделенных силой. В большинстве своем они не способны зачать ребенка.

Это касается и магинь, родившихся от пришлых. Они наследуют силу своих отцов, побочным эффектом которой являются эмоциональная зависимость и, как правило, бесплодие. Поэтому для многих пар рабыня – это не прихоть, а необходимость. Иномирянка дает ребенку жизнь, а воспитанием будущего мага занимается уже законная супруга.

Рабов-мужчин в Верилии и ее заокеанских колониях, кстати, не так уж много. Женщины, а вернее, молодые девушки, пользуются бóльшим спросом. Так уж сложилось в здешнем обществе, что только главы семейств имеют право обзавестись любовницей. Жены магов такой привилегией не обладают, а поэтому вынуждены либо довольствоваться артефактами, либо подкармливаться за счет наложниц своих «благоверных». Именно поэтому пришлых чаще всего селят под одной крышей с законной супругой, редко какой иномирянке выпадает счастье принимать покровителя в презентованном ей отдельном доме.

Узнав об особенностях семейной жизни высших, а также о том, что некоторые из них, не довольствуясь жизнью втроем, заводят себе целые гаремы, я поклялась, что сделаю все возможное, дабы не оказаться в таком дурдоме.

Вот почему мадам Луари не испытывает недостатка в клиентах. Всегда найдется кто-то, кому нужна красивая наложница и неиссякаемый источник подпитки, а также инкубатор для разведения младенцев.

По окончании обучения, превратив иномирянку в леди, вложив в девичьи головы все, о чем должна знать дорогостоящая одалиска, бизнесменша отправляла их в столицу или любой другой крупный город империи. Где на светских раутах представляла высшим и заключала сделки, другими словами, девушек продавала.

Точно не скажу, почему шел «товар». Но судя по тому, что мадам Луари буквально купалась в золоте (почти как дядюшка Скрудж из любимого мной мультфильма) и что у нее на руках не хватало пальцев для своих многочисленных побрякушек, могу предположить: ее заведение по штамповке наложниц процветало.

За время обучения я узнала много чего интересного. И не только о высших.

Например, Землю здесь называют Зеркальным миром. Или, когда хотят подчеркнуть свое к ней пренебрежение, – миром Неправильным. Неправильной она является потому, что земляне еще на заре своей цивилизации отказались от

магии.

То есть, исходя из логики высших, Эльмандин как раз вполне себе правильный.

Ну да...

Самое удивительное, расставляя ловушки – уж не знаю, что они собой представляют, – трапперы способны выкрасть человека из любого уголка Земли и даже из любой эпохи. Для магов не существует ни пространственных, ни временных границ.

Предпочтительным для грабителей является XIX век. Юным созданиям из него проще прижиться в Эльмандине, так как тот как раз пребывает в своем собственном «Викторианском периоде», со всеми отсюда вытекающими: выдающиеся научные открытия здесь мирно соседствуют с магией.

Многим аристократам по душе этакие тургеневские барышни, тихие и забитые, которые не будут задавать лишних вопросов и создавать лишних хлопот. Правда, находятся и такие, кто предпочитают особ из современного мне мира: более раскрепощенных, более независимых. Этим магам нравится укрощать строптивых.

Тоже мне развлечение...

Еще одно существенное различие между Эльмандином и Землей заключается в том, что Зеркальный мир можно покинуть, а вот вернуться назад – никогда. Чертова волшебная клетка услужливо распахнется перед иномирянином, но стоит в нее угодить, как она захлопнется навсегда.

Увы, с мечтой вернуться домой пришлось распрощаться сразу же. Но это не значило, что я сдалась и смиренно жду своей очереди «на заклятие». Я не переставала верить, что даже в этом мире сумею отыскать уголок, где буду свободна и счастлива. Точно не в Верилии, которая кишмя кишит проклятыми. Так я про себя назвала высших, наделенных губительной силой их темной троицы.

К сожалению, в других королевствах таких магов тоже немало. Зато в Меолии – небольшом северном государстве, где девять месяцев в году стоят лютые морозы, а солнце показывается из-за горизонта лишь по великим праздникам, – Триаду тьмы не жалуют. Так же, как и поклоняющихся ей высших.

Дело оставалось за малым – туда попасть. Уж лучше я стану эскимоской и буду тосковать по солнцу, чем какой-нибудь урод сделает меня своей рабыней.

Меолия стала нашей с Сарой голубой мечтой, идеей фикс, о которой мы не переставали думать и говорить. Долго разрабатывали план побега, отмечая все новые и новые варианты, пока наконец не придумали, как можно улизнуть от всевидящего ока мадам Луари. Было решено сбежать сразу же после приема. Главное, успеть удрать до того, как будет подписан контракт и на теле проявится роковая метка.

Покинуть стены пансиона не представлялось возможным. Наученные горьким опытом своих предшественниц, мы даже не пытались.

С Сарой я подружилась не сразу. Хоть она и была единственной моей современницей, я поначалу старалась держаться от рыжеволосой ирландки подальше. Меня пугал ее крутой нрав. А с остальными девушками – кисейными барышнями, покорно принявшими уготованную им судьбу, – дружеские отношения не сложились вовсе.

Из-за своенравной ирландки, никак не желавшей смириться со своей участью, мадам Луари первые недели регулярно страдала приступами мигрени. Сара наотрез отказывалась становиться прилежной ученицей и обучаться, на радость директрисе, премудростям любви и прочей, как она это называла, ереси. И не переставала демонстрировать свою радикальную позицию.

За что не раз была наказана розгой или многодневным постом. В воспитательных целях мадам Луари любила приводить непокорную пансионерку в столовую и заставляла ее наблюдать за тем, как принимали пищу остальные. В такие моменты мне кусок в горло не лез, но приходилось запихивать в себя все до последней крошки, иначе высшая могла психануть и отправить меня в подвал вместе с Сарой. Или прописать ту же, что и ей, «диету».

Отчаявшись вырваться на свободу, ирландка пыталась вскрыть себе вены. После чего месяц куковала все в том же сыром подвале, который мадам Луари определила под карцер.

Тогда-то директриса и обратилась ко мне за помощью. По-

считала, что я единственная смогу найти подход к девятнадцатилетней бунтарке и помогу ей измениться в лучшую сторону.

Незаметно мы с Сарой сдружились, стали неразлучны. Решили держаться вместе и вместе искать способ вырваться на свободу.

И вот сегодня мы покидаем стены пансиона. Чтобы завтра вечером быть представленными всем этим эмоционально зависимым.

И как знать, возможно, изменчивая фортуна на этот раз окажется к нам благосклонна, и наша с Сарой мечта сбудется.

Глава вторая

Иден брезгливо поморщился, толкая рукой, затянутой в дорожную замшевую перчатку, дверь в заведение с довольно сомнительной репутацией. Будь на то его воля, он бы и на пушечный выстрел не приблизился к этой забегаловке. Виконт де Клер ненавидел бывать в восточной части города, сплошь населенной беднотой. Мрачные трущобы Морияра всегда наводили на него тоску. А мерзкий притон, в который его милость в последнее время навещался чаще, чем в свой любимый ресторан на Овейм-стрит, так и вовсе вызывал приступы тошноты.

Но если не он, то кто же побеспокоится об олухе Маре?!

На ужин с другом Бастиан не пришел, дома его сиятельства тоже не оказалось, а полицейское управление он покинул еще днем и больше туда сегодня не возвращался. Это могло означать только одно: Мар опять взялся за старое. Иден обвел душноое, пропитанное запахами пота, крови и перегара помещение мрачным взглядом.

А ведь не прошло и недели, как оклемался.

Миновав стойку, за которой дородная дама не самой опрятной наружности торговала дешевым пойлом, виконт стал протискиваться сквозь плотное кольцо любителей бокса. Высший напрягал зрение, пытаясь в скупом освещении отыскать своего горе-приятеля. То и дело морщился, ощу-

щая со всех сторон грубые тычки и слыша раздраженные реплики, посылаемые в его адрес. Таким образом почтенная публика выражала свое недовольство наглостью чужака. Но дальше невнятного бормотания дело не шло. Кому охота связываться с магом?

– Господин желает сделать ставку? – чьи-то сальные пальцы вцепились в рукав новенького пиджака, который буквально сегодня утром доставили от портного. Свободного края, насыщенного табачного цвета – все, как любил де Клер.

Высший обернулся. Встретившись с его взглядом, ледяным, колючим, мальчишка, принимавший ставки, неловко извинился и поспешил затеряться в толпе.

– Идиот Мар! – в сердцах высказался Иден, наконец обнаружив мага.

Ему, виконту де Клеру, и в голову бы не пришло принимать участие в кулачных боях и становиться для какого-нибудь потного, вонючего детины боксерским мешком.

Какой в этом смысл?

Ладно, местная босота. Те участвовали в драках, чтобы подзаработать: в случае победы боксер получал процент от ставок.

Правда, в случае поражения мог распрощаться с жизнью. Или навсегда остаться калекой.

В поединках без правил разрешалось все: применять броски и захваты, кусать противника, царапать, душить, пинать ногами. Бились голыми руками, отчаянно, ожесточен-

но, пока один из соперников не валился без чувств или не начинал умолять о пощаде. Вот только мольбы не всегда принимались во внимание.

Мар в деньгах не нуждался, и Идену было непонятно это его пристрастие. Приходя сюда, упрямец рисковал собственной шкурой, здоровьем. Карьерой, в конце концов. Из-за частых беспорядков, возникавших во время подобных сходов, бокс в Верилии порицался, а в некоторых городах на него и вовсе наложили запрет. И Бастиан – как представитель закона – обязан был обходить такие заведения стороной.

Но после трагического случая с Эмилией будто с цепи сорвался. Он и до того ко многому был равнодушен, а теперь, казалось, его не волновало ничего. Ни собственное благополучие, ни профессиональное будущее. Проходили месяцы, а дознаватель, вместо того чтобы наконец-то оправиться от потери, становился все больше похожим на живой труп. Или на робота. Каждый день ходил на работу. Вечерами, как самый прилежный, добропорядочный семьянин (вот только семьи-то у него больше не было), возвращался домой, запирался у себя в кабинете и не принимал никого, даже самых близких друзей. А в иные дни, вот как сегодня, заявлялся в один из столичных притонов и бился там до изнеможения.

Будто считал, что физическая боль в силах побороть душевную. А может, таким образом наказывал себя, пытался заглушить чувство вины. Почему-то виновным в смерти жены Мар считал именно себя, а не ее убийцу.

Иногда Идену даже начинало казаться, что друг ищет смерти в одном из таких поединков.

Подвинув в сторону очередного оглашенного, от которого невыносимо разило перегаром, де Клер нахмурился. Круглый ринг, по периметру обнесенный невысоким деревянным ограждением, с песчаным настилом, пропитавшимся кровью и потом боксеров, сейчас приковывал к себе десятки алчных взглядов. Разгоряченная публика кричала, делала ставки, не забывая прихлебывать из бутылок свое отвратное пойло, и подбадривала соперников, сцепившихся в жестокой схватке, советами и замечаниями.

Под левым глазом у Мара расцвел фингал. Нижняя губа посинела, набухла, из уголка рта по подбородку стекала темная струйка крови. Обнаженная грудь расцарапана, на плече – отвратительный след от укуса.

Опять придется везти его к Ройсу и ждать полночи, пока лекарь заврачует и вправит идиоту все, что можно. Жаль, что не мозги. А потом еще надо будет провожать домой и при этом выслушивать, что его сиятельство в гробу видел такую заботу.

Существовал и другой вариант: сейчас Бастиана быстро отправят в нокаут. Бессознательный Мар нравился виконту гораздо больше. Не будет ворчать и выговаривать, как же его достала эта дружеская забота.

Увы, по второму сценарию «играли» нечасто. Обычно с ринга успевали унести нескольких поверженных, прежде

чем усталость и боль одерживали над неугомонным магом верх и тот отключался.

В свои двадцать девять Мар выглядел худым нескладным мальчишкой, что порой вводило в заблуждение его соперников. На самом же деле в кулачном бою его сиятельству не было равных. А ослиное упрямство и маниакальное желание снова и снова себя истязать делали его похожим на заведенный механизм.

Вот и сейчас Бастиан, так же, как и второй боксер, разделтый по пояс, беспощадно молотил кулаками, нанося удар за ударом и умело отражая неистовые атаки. Его противник – здоровенный детина, непонятно с какого перепугу получивший прозвище Малыш, – бился исступленно, выплескивая на мага всю свою злость. В то время как Мар, давно позабывший, что это вообще такое – испытывать эмоции и отнимать их у других, нападавал хладнокровно, с абсолютным ко всему безразличием.

Даже когда великан Малыш обрушился на него всей своей тяжестью, едва не проломив бедолаге спину, а потом еще и закрепил результат ударом кулака под дых, его сиятельство даже не поморщился. Несколько секунд, пока толпа бесновалась, громко скандируя: «Вставай и дерись!», Бастиан лежал на земле неподвижно. Таращился в потолок, под которым мерно покачивались газовые светильники, и при этом дышал тяжело и прерывисто.

Иден уже было понадеялся, что все, на сегодня выступле-

ние закончено. Но другу, как видно, этого было мало. Пошатываясь, он поднялся и встал в стойку, давая понять, что бой продолжается.

Не дожидаясь нападения, сорвался с места. Блокировав джеб противника, нанес тому молниеносный удар прямо в челюсть. Еще один блок, резкая атака, короткий хук в область печени и в завершение – удар стопой в диафрагму. Малыш с глухим стуком рухнул на пол, подняв вокруг себя столб пыли.

Толпа зашумела, и в ее многоголосье радость перекликалась с разочарованием. Некоторые остались недовольны исходом поединка, соперником Мара, а также самими собой, потому как поставили не на того, кто выиграл.

Перегнувшись через хлипкое ограждение, Иден позвал друга:

– Ваше сиятельство уже закончили? – И протянул приятелю платок с кружевной каймой, расшитый золотыми вензелями.

Стерев с лица пот и капли запекшейся крови, Бастиан шумно выдохнул и проронил сипло:

– Я только разогреваюсь. А ты что здесь забыл?

Иден раздраженно цокнул. Как будто не понимает, зачем он явился в эту дыру!

– Вообще-то у нас на вечер были планы. Ужин в ресторане, опера... Помнишь?

– Извини, забыл, – без малейшего сожаления покачался

Мар и сделал несколько жадных глотков прямо из бутылки, отчего лицо виконта снова исказила гримаса брезгливости. Он бы к такой дряни даже под страхом смерти не притронулся. – Давай на завтра перенесем.

– Понятно, что не на сегодня, – хмыкнул де Клер. – С тобой в таком виде только по ресторанам ходить. Народ распугивать... Кстати, завтра милейшие сводницы устраивают прием. Ты тоже должен был получить приглашение.

Бастиан вздрогнул, точно от удара хлыстом, и, отвернувшись, ответил глухо:

– Я туда не пойду.

– А кто только что обещал, что завтрашний вечер посвятит лучшему другу? – с показной обидой в голосе напомнил виконт.

– Тебе прекрасно известно, что я не люблю подобные сборища.

– Брось, Мар, ну сколько можно? – закатил глаза высший. – Жениться ты не хочешь. И, заметь, я не настаиваю. Хотя твоя матушка не теряет надежды, что я приму ее сторону и уговорю тебя начать ухаживать за какой-нибудь юной леди. Как будто уговорить такого барана, как ты, возможно... Ну да ладно, не хочешь – не женись. Твое право. Но что тебе мешает завести рабыню? Мало ли, как все сложится. Твоя мать и сестры беспокоятся, что у тебя до сих пор нет наследника. Ждешь, чтобы на тебе род Маров прервался?

– Мне еще и тридцати нет, – справедливости ради заметил

Бастиан, который, несмотря на все опасения родни, покидать этот мир в ближайшее время не собирался.

Сначала отыщет тварь, что забрала у него Мими. А дальше уже как получится.

– С твоими предпочтениями в выборе спорта и нежеланием общаться с пришлыми (и не говори, что ни одна из тех куколок, что я к тебе посылал, тебе не понравилась!) у тебя есть все шансы не разменять четвертый десяток. И вообще, – возвращаясь к насущной теме, протянул виконт, – никто ведь не заставляет тебя уходить со смотрин с приобретением. Просто проведешь в приятном обществе время. Не то что сегодня, – испытывая чувство гадливости, оглянулся по сторонам Иден. – Шейн и Реджи тоже будут там. Говорят, в этом году у мадам Луари каждая девушка – жемчужина. Да и леди Адельсон в выборе красоток не подкачала. В общем, будет на что посмотреть.

– Я подумаю, – нехотя отозвался Мар, возвращая другу мятый платок.

За который Иден ухватился кончиками пальцев и поспешил бросить его на шаткое ограждение, решив, что будет проще с платком расстаться, чем отстирывать пятна.

Соперника Мара к тому времени уже унесли, и его место занял полный сил и желания победить неориец. Еще один громила, по сравнению с которым Бастиан казался тщедушным юнцом.

Помнится, в прошлый раз, после тесного «общения»

с этой тушей, из зала выносили именно Мара.

Иден махнул рукой, подзывая долговязого паренька, что ранее имел неосторожность к нему обратиться, и достал из кармана хрустящую банкноту номиналом в пять стэрнов.

В тот вечер де Клер впервые сделал ставку. И ставил он не на друга.

* * *

Утро плавно перетекало в день, а в маленьком будуаре, прозванном Рубиновым, по-прежнему царил сумрак. Тяжелые шторы насыщенного шарлахового цвета с пышными ламбрекенами и шелковой бахромой были плотно задернуты, не пропуская внутрь ни солнечного света, ни городской суеты. Дневное светило здесь заменяли зажженные бра, и в их мерцании цветочный орнамент темных обоев отливал золотом.

В дальнем углу стояла ажурная ширма, с которой небрежно свисали интимные детали женского туалета. Кофейный столик, декорированный бронзой, изящный резной секретер, илуазский ковер, пуфы и многочисленные подушки придавали комнате особое очарование и уют.

И посреди всего этого великолепия, на кушетке из красного бархата, полулежала девушка. Тонкая полупрозрачная сорочка, украшенная кружевами и искусной вышивкой, подчеркивала каждый изгиб ее идеального тела. Симпатичное

личико обрамляли озорные кудряшки теплого медового цвета. Светлокожая, с россыпью веснушек и нежными ямочками на щеках – она казалась самым воплощением невинности, ангелом во плоти.

Правда, стоило иномирянке заговорить, как волшебство рассеивалось, и прекрасная нимфа в одночасье превращалась в недалекую избалованную кокетку.

Которую мастеру Грэйву с каждым днем выносить становилось все труднее.

– Эши, мне ску-у-учно, – капризно протянула прелестница и соблазнительно потянулась, надеясь, что сей маневр не ускользнет от внимания высшего. Но тот, как назло, был поглощен возней с очередной своей игрушкой непонятного назначения. – Может, устроим сегодня пикник? Или сходим в оперу? Мы так редко выбираемся куда-нибудь вместе. Ну, Э-э-эши...

Мужчина почувствовал, как у него на скулах задергались желваки. Налицо нервный тик. Еще немного, и он окончательно возненавидит этот нелепый уменьшительно-ласкательный вариант своего имени. А заодно и саму пришлую. Уж слишком Камилла в последнее время давила на психику. Да и вопросов стала задавать немерено.

Даже странно, как это он смог терпеть ее целых три месяца.

– Что скажешь? – не догадываясь о мыслях своего господина, продолжала наседать девушка.

– Скажу что? – рассеянно пробормотал маг и опустился на кушетку рядом с рабыней.

– Ты меня совсем не слушаешь! Эши! – обиженно воскликнула девица, резко подскакивая на месте.

Пришлось укладывать ее обратно.

– Мне нужно кое-что проверить. Камилла, пожалуйста, лежи смирно, – собирая остатки терпения, сквозь зубы попросил высший и затянул на тонких запястьях рабыни массивные браслеты на кожаных ремешках.

Камилла сразу притихла, принялась с интересом поглядывать на необычные «украшения», чем-то напоминавшие наручные часы. По крайней мере, у этих металлических штукovin тоже имелся эмалевый циферблат и крошечные серебристые стрелки. Только почему-то по одной на каждый браслет. Да и цифр явно не доставало, вместо двенадцати всего четыре.

Вот стрелки шевельнулись – один раз, другой. После чего начали ползти вокруг своей оси со скоростью умирающей черепахи. Так и не описав круг, остановились, и Камилла заметила, как маг нахмурился. Правда, уже в следующий миг лицо его просветлело.

Спрашивать, что это за штуковины и что на сей раз Эшерли намеревался проверить, смысла не было. Высший не любил обсуждать работу, никогда не показывал свои изобретения. Разве что те, при помощи которых проводил всякие непонятные тесты и выкачивал из нее эмоции. А лаборато-

рию, что располагалась в подвале дома, так и вовсе настоятельно советовал обходить десятой дорогой.

В противном случае грозился вернуть Камиллу обратно трапперу.

– Я тут подумала... – Дождавшись, когда проверка закончится, девушка перебралась поближе к магу. Пробежавшись подушечками пальцев по его плечу, легонько поцеловала высшего в щеку и продолжила ворковать ему на ухо: – После завтрака мы бы могли...

– Разве тебе не хватило вчерашнего «после ужина»? – перебил ее Эшерли и с поспешностью поднялся, пока ему не облизали все лицо.

И ведь поначалу казалась вполне себе адекватным экземпляром. Первые дни даже прикидывалась недотрогой, непонятно зачем отказывалась от еды и грозилась наложить на себя руки, рискни он хоть пальцем до нее дотронуться. Правда, не заметив со стороны высшего никакого к ней интереса в физическом плане, почему-то резко поменяла свою позицию.

И теперь ему, Эшерли, приходилось держать оборону от чересчур любвеобильной барышни.

И кто их разберет, этих женщин...

– Эши! – насупилась пришедшая. – Ты иногда такой бука! – Поджав под себя ноги, она принялась сверлить мага, складывающего браслеты в сафьяновый футляр, недовольным взглядом. Вот только долго обижаться Камилла не умела и

уже спустя минуту снова была само очарование. – Ну, так как насчет пикника? А потом мы бы могли пробежаться по магазинам.

Высший на миг зажмурился, пытаясь абстрагироваться от непрекращающейся болтовни. Результаты тестов не радовали. Использовать Камиллу и дальше могло быть чревато последствиями. А значит...

Маг расплылся в улыбке. Так улыбается человек, скинувший с плеч непомерную ношу, от которой уже и не чаял избавиться.

Конечно, он в любом случае начал бы подыскивать Камилле замену. Но так даже лучше. Чем не достойный предлог навсегда с ней распрощаться?

Девушка тем временем, не догадываясь о планах хозяина на ее счет, захлеб вещала о каких-то жутко красивых перчатках, которые видела у какой-то высшей на каком-то суаре, которое они недавно посетили и о котором Грэйв уже и думать забыл.

– ...Я бы тоже такие очень хотела. Ты мне их закажешь, Эши? – подняла на мага лучистые глаза глупышка.

– Как скажешь, прелесть моя.

Мужчина повернулся к рабыне. Взял ее за запястье, заставляя подняться с кушетки. Пришлая довольно мурлыкнула, как самая настоящая кошка, и, привстав на носочках, потянулась к своему господину, предвкушая мгновения близости. И последующую за этим прогулку по магазинам.

Поцелуй мага стал последним, что она почувствовала. Мгновение, и Камилла обмякла в его руках. Веки ее сомкнулись, на лице застыло выражение бесконечного блаженства.

Уложив рабыню обратно на шелковые подушки, высший облегченно выдохнул и крикнул:

– Маэжи!

Не прошло и минуты, как дверь отворилась и в комнату бесшумно скользнула девушка.

– Ты звал меня? – прозвучал тихий, безжизненный голос.

Неживым казалось и ее лицо – оно не отображало никаких эмоций.

– Если мне не изменяет память, среди писем я видел одно от леди Адельсон. Она, часом, не устраивает в ближайшие дни какого-нибудь приема?

После знакомства с Камиллой и ее предшественницами Эшерли зарекся заказывать пришлых у трапперов. Лучше заплатить вдвое больше, но получить «выдрессированную» рабыню, которая не будет капать ему на мозги.

– Устраивает. Сегодня вечером. Вместе с мадам Луари. Будут представлять своих воспитанниц, – сообщила девушка и бросила на рабыню, сейчас очень смахивающую на восковую куклу, равнодушный взгляд. – Хочешь купить себе новую?

– Еще как хочу! – Подхватив футляр, мужчина бодрой походкой направился к выходу, увлекая за собой и Маэжи, при этом задумчиво бормоча: – У мадам Луари, говорят, непло-

хие девушки... Главное, чтобы нашлась спокойная. И не любопытная. И желательно не полная идиотка. Чтобы не пришлось, как Камилле, по сто раз объяснять одно и то же.

– А с мисс Дэйн что будем делать?

Прежде чем прикрыть за собой дверь, Эшерли обернулся и посмотрел на девушку. Прекрасное создание с лицом ангела и талантом вытрясать из него душу.

Возблагодарив небеса, а заодно и преисподнюю за то, что сегодня видит ее в последний раз, ответил:

– Как обычно, Маэжи. Как обычно.

Глава третья

Мое первое пребывание в столице Верилии не сохранилось в памяти. Кто-то очень постарался стереть даже малейший след воспоминаний. Сколько ни пыталась в размытых кошмарах, что преследовали меня по ночам, отыскать ответы на не дававшие покоя вопросы, – все тщетно. Из-за магической амнезии никак не удавалось собрать воедино кусочки мозаики и понять, кто же этот ублюдок, разрушивший мою жизнь.

И вот сегодня я возвращаюсь в Морияр. Новая Ива будет заново знакомиться с имперской столицей. Окраины ее, признаюсь, меня совершенно не впечатлили: объятые смогом небо, на фоне которого вырастали фабричные трубы и вырисовывались угловатые очертания зданий; лабиринты грязных улиц, состоявшие из домов, насквозь пропахших нечистотами и помоями, с разбитыми окнами, кое-как заделанными бумагой и тряпьем.

То тут, то там мелькали усталые лица женщин и хмурые – мужчин. Пробегали стайки малолетних оборвышей, так и норовивших попасть под колеса экипажей. Детворе бы проводить время в школах да радоваться каждому дню. Увы, такое слово, как «радость», здесь, кажется, не знали.

И тем не менее я завидовала этим людям. Готова была отдать все на свете, только бы из бесправной чужачки превра-

титься в местную. Уж лучше жизнь нищенки, но, по крайней мере, оберегаемой от посягательств высших законом.

С каким удовольствием я бы променяла свои роскошные платья, в которые, точно кукол, наряжала нас мадам Луари, на эти бесформенные салопы. Все что угодно, лишь бы спустя столько времени наконец-то почувствовать себя свободной.

Постепенно улицы стали шире, убогие лачуги сменились добротными домами, с неба исчез налет дыма и копоти, а с лиц прохожих – выражение безнадежности. Все чаще я стала замечать улыбки.

Жалость во взглядах моих попутчиц сменилась восхищением и любопытством. Теперь мы созерцали изысканных леди, сопровождаемых со щегольством одетыми джентльменами. В большинстве своем это были высшие. Где-то на подсознательном уровне я научилась отличать магов от простых смертных.

Все высшие обладают яркой, выразительной внешностью. Мужчины статны, женщины грациозны. Любоваться ими можно бесконечно. Жаль, что за идеальной оболочкой зачастую скрывается гнилое нутро.

В этой части города царил оживленная атмосфера. По брусчатым мостовым сновали кэбы, громыхали омнибусы, чадили новомодные паромобили. Одну такую машину недавно приобрела мадам Луари, гордо заявив, что станет первой женщиной Верилии, укротившей парового монстра.

Что ж, сравнение с монстром вполне уместно. Приходя в движение, дорожные паровозы рычажили не хуже дикого зверя, да и выглядели соответственно. Перед внушительных размеров пассажирской кабиной располагались сиденье для водителя и приборная панель, оснащенная всевозможными рычагами, аналоговыми циферблатами, клаксоном и рулем. Задние колеса были в разы больше передних, и между ними чернел паровой котел, а выведенная назад труба то и дело выбрасывала сизые клубы дыма.

Однако не местные аналоги привычных мне автомобилей произвели на меня неизгладимое впечатление. В Верилии существовал еще один способ передвижения, коим могли воспользоваться только высшие. Фасады некоторых зданий пестрели картинами: где-то на кирпичной кладке зеленели аллеи, где-то красовались величественные площади либо уютные скверы.

Поначалу думала, они несут исключительно декоративную функцию. Ан нет. Как выяснилось, это были места переходов, из которых можно было в одно мгновение перенестись в другой уголок города. Какой именно – все зависело от рисунка. Хочешь, например, как можно скорее добраться до собора на площади Сент-Вер – ищи его изображение.

Пока наш дилижанс стоял на перекрестке, ожидая, когда мимо прогремит омнибус, я успела понаблюдать за телепортом в действии. Не спеша прогуливающаяся парочка, завернув за угол, приблизилась к изображенному на стене бело-

каменному зданию, увенчанному куполами. Мужчина приложил ладонь к небольшому, едва различимому выступу, заставив тот засветиться, и... прямо у меня на глазах темные щупальца тумана ухватили магов и затянули их в картину.

– Наверное, это и есть те самые переходы, о которых рассказывал Оливер, – наклонившись ко мне, озвучила очевидное Сара.

В ответ я лишь ошалело кивнула.

Столичная резиденция мадам Луари ничуть не уступала в роскоши ее провинциальному дому. По приезду мы сразу же отправились обедать. Надеялись, что нас хотя бы после трапезы ненадолго оставят в покое, чтобы дать передохнуть перед грядущим «празднеством». Набраться сил, а заодно и смелости. Но не успели мы с Сарой растянуться на воздушных перинах, как в комнату без стука ворвались служанки и принялись кружить вокруг нас, и кружили до самого вечера, купая, причесывая, наряжая.

В тот вечер меня не покидало ощущение, что я – марионетка, которая ходит под руками бездушных кукловодов. Впрочем, это чувство преследовало меня со дня моего появления в этой чертовой Стране чудес.

Прием должен был состояться у некой леди Адельсон, такой же предприимчивой дамочки, коллеги по бизнесу нашей директрисы. Следовало явиться заранее, а потому собирались мы в спешке.

Дабы не отвлекать внимание потенциальных покупателей

лишней мишурой, всех девушек нарядили одинаково: в белоснежные платья из кисеи и атласа, с завышенной талией, свободно струящиеся, украшенные по подолу золотистым шитьем. Короткие пышные рукава были слегка приспущены, а глубокий вырез практически не оставлял простора для фантазии. Зато длина шлейфа оказалась достаточно скромной, а кисти рук стыдливо прикрывали длинные перчатки.

Волосы собрали в высокие прически, украсив диадемами, золотыми обручами или живыми цветами, дабы высшие в полной мере могли насладиться изящным изгибом шеи, покатыми плечиками и, само собой разумеется, фривольным декольте девушек.

Стоя перед напольным зеркалом, я вглядывалась в свое отражение и не узнавала саму себя. Пальцы слегка дрожали, по коже бегали мурашки. Не от холода, от волнения. Вот и наступил день, которого мы с Сарой так ждали. Всего несколько часов – и будем свободны.

Или потеряем себя навсегда.

* * *

– Все помнишь? – шепнула мне Сара, нервно комкая в руках невесомую ткань платья. Вместе с остальными девушками мы ожидали, когда соберутся гости и нас начнут представлять сливкам общества. Взяв меня под руку, чтобы быть ближе, подруга закончила одними губами: – Оливер сказал,

что будет ждать нас возле перехода на площади святого Рейка. Это самый быстрый способ добраться до порта.

Я молча кивнула и поймала себя на том, что и сама терблю кончик широкой атласной ленты, пущенной под грудью и завязанной на спине кокетливым бантом. Который моими стараниями уже успел распуститься, поэтому служанка тут же подбежала и вернула ему первозданный вид, посоветовав не дотрагиваться до платья. Да и вообще, не болтать, не мельтешить, а лучше взять пример с остальных, сесть на кушетку и на время превратиться в элемент интерьера.

Мысленно послав новоявленную командиршу к черту, я продолжила моцион по коридору.

Оливер Кит – один из преподавателей пансиона. Маг из древнего, знатного, но давно обедневшего рода. Четвертый и последний сын то ли барона, то ли баронета. Один из немногих высших, что не вызывал у меня приступа аллергии и желания проклясть его в первые же минуты знакомства.

Эх, жаль, обычные люди не способны овладеть магией. Уж я бы нашла ей достойное применение.

Чудо ли это было, а может, судьба или милость свыше, но месяца три назад, когда Сара перестала бунтовать и начала посещать занятия, ею увлекся молоденький учитель, что преподавал у нас историю Эльмандина.

Все началось с мимолетных взглядов, украдкой бросаемых на мою подругу. В качестве охранника и надзирателя Оливер, единственный мужчина-высший в сплоченном жен-

ском коллективе, часто сопровождал пансионерок к озеру или в город. И при каждом удобном случае пытался заговорить с Сарой, расспрашивал ее о доме, о прошлом.

Незаметно простая заинтересованность переросла в сильное чувство. Удивительно, но тот полицейский, что подарил мне новый шанс на жизнь, оказался прав: некоторые высшие действительно способны любить. Свою привязанность Оливер решил доказать самым отважным и благородным образом: помочь возлюбленной бежать.

Увы, выкупить Сару он не мог. Скромная зарплата учителя не оставляла ему шанса на законное воссоединение с любимой. Но мысль, что какой-нибудь толстосум сделает из Сары объект для развлечений, сводила мистера Кита с ума. Она-то и толкнула его на отчаянный шаг поставить на кон все: и собственное благополучие, и карьеру. Лишь бы спасти девушку.

Брать прицепом меня маг не собирался. Однако подруга поставила ультиматум: «Либо с Ивой, либо никуда», и Оливеру пришлось согласиться.

От него мы и узнали о маленьком северном королевстве, о том, как туда можно добраться и начать новую жизнь. Оливер планировал жениться на Саре сразу же по приезду в Меолию. Тогда, если их все-таки обнаружат, отобрать у него девушку в любом случае не смогут. По законам Эльмандина он станет ее защитником и господином. Мне руку и сердце пока никто не предлагал, поэтому оставалось уповать на бла-

госклонность фортуны и надеяться, что все сложится.

– Девочки, через десять минут начинаем! – показалась на лестнице мадам Луари. «Обрадовав» своих воспитанниц и тех, которых опекала леди Адельсон – пренеприятнейшая в общении особа, наша метресса снова поспешила вниз к приглашенным.

Некоторые девушки возбужденно зашептались. Кажется, их ничуть не смутила роль живого товара. Многие же вообще никак не отреагировали на объявление высшей. Смирившиеся со своей участью, потерянные – таким было безразлично, что будет с ними дальше.

Как сказал Оливер, приглашения на подобные мероприятия рассылались только самым состоятельным и уважаемым высшим. Ибо цены кусались, и магам, не обладавшим достаточными средствами, здесь было делать нечего.

Среди приглашенных имелись и так называемые коллекционеры. Как по мне – самая отвратительная когорта магов. Те, кто тратил на покупку пришлых целые состояния и заводил себе настоящие гаремы.

Сейчас нас по очереди представят. Потом начнутся танцы, фуршеты, общение. Благодаря инструктажу Оливера мы с Сарой знали, от каких высших следует держаться подальше, а каким постараться понравиться.

По плану мистера Кита, моя подруга должна была очаровать некоего графа Эндерсона, которому молодой учитель все уши прожужжал рассказами о прекрасной рыжеволосой

рабыне. Так сказать, сделал беспроектную рекламу. Его сиятельство не отличался ни умом, ни сообразительностью, и провести такого, по мнению нашего изобретательного спасителя, труда не составит.

Мне же предстояло приворожить мага по имени Реджинальд Уокман. По словам учителя, мистер Уокман предпочитал брюнеток и уже давно находился в поиске рабыни. Но самое главное – легко увлекался и был глуп, как пробка.

При желании покупатель, оставив задаток, мог забрать понравившуюся ему иномирянку на ночь. Так сказать, на дегустиацию. Если по истечении испытательного срока рабыня оправдывала все его ожидания, заключался контракт, выплачивалась оставшаяся часть суммы, и маг становился счастливым обладателем пришлой. А сама пришлая – несчастной обладательницей роковой метки. Которая делала ее пленницей своего господина.

Благодаря знаку рабыня становилась зависимой от высшего, а тот мог при желании легко отследить местонахождение своей «покупки». Никто, кроме хозяина, не способен был снять проклятую метку.

Если девушка по каким-то причинам не устраивала приобретателя – ее возвращали хозяйке. При этом задаток оставался у сводницы.

К невинным девам применялись несколько иные правила. Но, к счастью, ни я, ни Сара уже давно не были невинны, а потому имели пусть и небольшой, но все-таки шанс на одну

единственную ночь вырваться из-под надзора мадам Луари.

И если все пройдет так, как задумал Оливер, уже завтра мы покинем берега Верилии.

Глава четвертая

– Ах, ваше сиятельство, какая приятная неожиданность! А мы с мадам Луари все гадали, когда же вы почтите нас своим присутствием, – рассыпалась любезностями перед гостем хозяйка вечера, крупная дама средних лет, разодетая как павлин: в ярко-желтое платье с пышным турнюром, украшенным не менее пышным фиолетовым бантом.

В поклоне Бастиан коснулся губами выставленной вперед пухленькой ручки, щедро унизанной перстнями, и сказал то, что в таком случае полагалось сказать:

– Я был безмерно рад оказаться в числе счастливиц, миледи. Горю от нетерпения увидеть всех ваших воспитанниц. – На самом же деле, если бы не Иден, впившийся в него, как заноза, ноги б его не было в этом доме.

Ну ничего, пару часов уж как-нибудь перетерпит. Удовлетворит потребность де Клера в дружеском общении и с чистой совестью отправится восвояси.

– Вы не только сможете их увидеть, но и пообщаться с каждой в отдельности, – расцвела улыбкой леди Адельсон, не догадывавшаяся о мыслях гостя.

Предприимчивая дамочка уже давно мечтала заполучить Бастиана Мара в число своих клиентов, еще когда была жива леди Эмилия. Но королевский дознаватель всякий раз отклонял приглашения, ссылаясь то на занятость, то на отсут-

стве интереса к покупке рабыни. Неслыханное дело! Такой респектабельный мужчина – и без фаворитки.

– У меня самые лучшие пришлые во всей империи, – хвастливо заявила женщина. Раскрыв веер, принялась им обмахиваться, при этом самодовольно щебеча: – У мадам Луари девушки, конечно, тоже хороши. Но моим и в подметки не годятся. Чего только стоит моя Анна! Наше белокурое чудо. Юное, невинное создание. Вам с ней обязательно следует познакомиться.

Бастиан невольно поморщился. Почему-то все считали, что любая смазливая блондинка сможет заменить ему Эмилию. Иден вон тоже не раз посылал к нему куртизанок из столичных борделей, надеясь таким образом вернуть, как он любил повторять, лучшего друга к жизни. Все как на подбор хрупкие и светловолосые. Да и та девушка, которую пытались навязать ему приятели по случаю вступления в новую должность, тоже очень смахивала на куклу.

Интересно, какой она стала? Отважилась на перевоплощение?

Вероятнее всего, да, раз он о ней так больше ничего и не слышал. Выжила ли? Последовала ли его совету отправиться к мадам Луари?

На тот момент идея порекомендовать пришлую хозяйке пансиона казалась единственно верной. Там девушку ждали приют и надежда на сносное будущее.

За последние месяцы Бастиан и думать о ней забыл. А сей-

час, увидев мадам Луари, флиртующую с двумя молодыми высшими, вдруг вспомнил о своей находке. Он ведь так и не переговорил с траппером, так и не узнал, как незнакомка оказалась у бродячих артистов.

Его собственное горе затмило все остальные беды, и он, подобно трусливой улитке, спрятавшейся в раковине, никак не отваживался вылезти из нее, осмотреться вокруг и заставить себя жить дальше.

Высшая тоже его заметила. Обворожительно улыбнувшись своим собеседникам, что-то проворковала напоследок и не спеша направилась к Бастиану.

– Господин Мар! Вот так сюрприз! Вы самый редкий и самый долгожданный наш гость. Благодаря чему, позвольте спросить, мы удостоились такой чести? – с оттенком иронии в голосе поинтересовалась женщина.

В былые времена мадам Луари являлась частой гостьей в доме Маров. Отец Бастиана, покойный лорд Ренульф, был заядлым коллекционером и постоянным ее клиентом. Высшая надеялась, что молодой граф пойдет по отцовским стопам, но нет, тот особой страсти к пришлым не питал и, увы, тратить на покупку наложниц целые состояния не собирался.

– Всего лишь выполняю данное другу обещание, – не стал на сей раз кривить душой маг. Учтиво поклонился, едва коснувшись губами тонкой ручки, затянутой в ажурную перчатку. В отличие от своей коллеги, мадам Луари знала толк в красоте и сегодня блистала в роскошном платье из зеленой

тафты, удачно дополненном малахитовой парюрой.

– И ваш визит никак не связан с той очаровательной девушкой, что полгода назад была направлена ко мне Вами? – с многозначительным видом уточнила высшая и с любопытством посмотрела на своего визави.

Бастиан машинально огляделся. Словно надеялся отыскать взглядом ту, что когда-то – кажется, уже в прошлой жизни – занимала его мысли. Однако официально вечер еще не начался, гости продолжали собираться, и пансионерки ждали своего выхода наверх.

Заметив, что его сиятельство не спешит с ответом, мадам Луари с хитрецей в голосе продолжила:

– Если пожелаете, я вам ее представлю.

– Я думал, что в своем письме выразился предельно ясно, – неожиданно резко произнес дознаватель. Теперь его взгляд был холоден, а с тонких губ исчезло даже подобие улыбки. – Но если нет, тогда повторяю: я не желаю знать ни ее имени, ни того, кем она стала.

Ругая себя за оплошность, из-за которой, возможно, только что лишилась потенциального покупателя, мадам Луари пошла на попятную:

– Простите, ваше сиятельство, неудачная шутка. Я иногда болтаю такие глупости. Эта девушка уже давно покинула нас. Обрела новый дом и любящего хозяина. Вам не о чем беспокоиться.

В ответ высший едва заметно кивнул и продолжил с от-

чужденным видом осматривать холл, где сосредоточилась большая часть приглашенных.

Пытаясь отвлечь мага от мрачных мыслей, навеянных ее неосмотрительностью, мадам Луари решила разбавить их дуэт новым собеседником. Отыскала взглядом знакомое лицо, которое, к счастью, обнаружилось совсем близко – его обладатель как раз переступил порог гостеприимного дома, – и радостно воскликнула:

– Мистер Грэйв! Сегодня настоящий день сюрпризов и приятных неожиданностей! Вы тоже не обошли нас своим вниманием, – протараторила с напускным весельем женщина и, обернувшись к своему угрюмому собеседнику, на выдохе закончила: – Ваше сиятельство, вы знакомы с мэтром Грэйвом?

И только потом поняла, какую ошибку совершила. Лицо графа стало непроницаемым, а взгляд не хуже каменной глыбы мог придавить к полу, не оставив от того, кому он предназначался, даже мокрого места. К счастью, адресован он был не ей, а застывшему в дверях магу.

Мысленно посетовав на собственную память, которая так не вовремя ее подвела, мадам Луари принялась судорожно соображать, гадая, как бы выкрутиться из щекотливой ситуации и не допустить ссоры. А то, что эти двое могли запросто сейчас поскандалить, было очевидно.

Молчание затянулось. Высшая буквально ощущала исходящие от магов флюиды ненависти. Кусала в нервном вол-

нении губы, пытаюсь подыскать слова, способные разрядить обстановку. Но на ум, как назло, ничего путного не приходило.

Молодые люди продолжали смотреть друг на друга с таким пристальным вниманием, будто соревновались в умении прожигать взглядом дыру во лбу соперника. Таковыми они стали чуть больше года назад. Непримируемыми врагами. Да ими же, кажется, и остались. Даже несмотря на то, что враждовать теперь уже было не из-за кого.

Пока мадам Луари предавалась размышлениям о непростых взаимоотношениях магов, дуэль на взглядах имела все шансы перерасти в словесную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.